

Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский

ДОМИК НА ВОЛГЕ

ПОВЕСТЬ

I

Ночной курьерский поезд пролетел последнюю сотню верст до С.

- одного из приволжских губернских городов. Огни в деревнях были давно потушены, и вся необозримая поляна волжского побережья превратилась в одно сплошное море мрака. Утонули в нем поля, луга; утонули черные громады лесов; утонули деревни.

Как большие муравьиные кучи, стояли рассыпанные то там, то сям группы низеньких изб с высокими соломенными крышами, - убогим жильем поволжского крестьянина. На задах, поодаль от жилья, стояли другие, более правильные кучи скирд только что убранного хлеба, которые в темноте можно было принять за деревню, а деревню за скирды. Луна еще не всходила.

Легкий ночной ветерок, дувший с могучей реки, лениво гнал серые тучи, которые заволакивали небосклон, не давая звездному лучу проникать их густую ткань.

Моросил мелкий дождь. Запоздавший торговец, возвращавшийся из города, едва видел извилистую дорогу и, бросив вожжи, предоставил коню самому отыскивать путь. И умный конь шел твердой поступью, косясь от времени до времени на низенькое, едва поднимавшееся над поверхностью земли полотно железной дороги, которое прошло по этой зеленой пустыне.

Тонкие, блестящие и ровные как стрела рельсы на широких шпалах, вонзившиеся обоими концами в непроницаемый мрак, уже жужжали неслышно для человеческого уха, предвещая приближение поезда. Где-то, в бесконечной дали, раздался мягко и протяжно свист локомотива. Конь мотнул ушами и фыркнул, нюхая воздух. Хозяин подобрал вожжи, понемногу сворачивая в сторону. Прошло несколько минут, и на горизонте показались два огненных глаза. Ближе, ближе. Рельсы задрезжали, и вскоре, кокетливо скользя по гладкому пути, как конькобежец по льду, вихрем пронесся в клубах дыма грохочущий поезд, осветив на минуту поляну и бросая багровое зарево на низкие облака, засматривавшие сверху в его огненную утробу. Было что-то праздничное, ликующее в этом длинном ряде ярко освещенных подвижных палат, которые без усилия, точно по мановению волшебного жезла, неслись мимо спящих деревень, черных полей и лесов, смеясь над пространством, над мраком и непогодой. Так глядит снаружи сверкающий огнями и позолоток бальный зал, когда гремит оркестр и разодетые пары мелькают в зеркальных окнах. И зритель, стоящий в темноте и на холоде, невольно думает тогда о счастье, веселье, довольстве. Но на балах часто льются невидимые слезы, и в этом летучем дворце разыгрывалась в эту минуту тяжелая драма.

В отдельном купе первого класса в одном из передних вагонов сидело трое пассажиров. Двое было военных - в них по синим мундирам с белым прибором легко можно было узнать жандармов. Третий был штатский - молодой человек, насколько можно было судить по тонкой, стройной фигуре, русой курчавой бородке и усам, видневшимся из-под надвинутой на лицо шляпы.

Один из жандармов спал, растянувшись на скамейке. Другой, неестественно выпрямившись, сидел в углу и делал отчаянные усилия, чтобы преодолеть сон. Однако от времени до времени он клевал носом, и тогда он энергично встряхивался и строго посматривал на молодого человека. Это, очевидно, был конвоируемый ими политический арестант.

Прислонившись к углу и вытянув наискось ноги, тот, по-видимому, крепко спал. Грудь его поднималась медленно и равномерно, и тихое сонное дыхание слышно было в промежутках между лязгом поезда.

Но если бы кто-нибудь неожиданно заглянул под широкие поля его войлочной шляпы, то увидел бы пару серых глаз, исполненных такого жгучего, напряженного внимания, которые ясно показывали, что молодому человеку было не до сна. В голове его созрел план побега, - дерзкий, отчаянный план, - и теперь его участь зависела от того, заснет или нет этот неуклюжий краснорожий жандарм. Из-под надвинутой на брови шляпы он не переставал ни на минуту следить за ним.

Жандарм покачивался, как длинный маятник перед тем, как остановиться. Потом он вдруг чуть не клюнул своего товарища в голову, разом упавши вперед, и встрепенулся, посмотрев внимательно на арестанта.

Тот все лежал в той же позе. Тогда жандарм успо-, коился и, выпучив глаза, смотрел в стену, стараясь не моргнуть.

Прошло несколько минут. Поезд быстро несся вперед. Мерно, точно в такт, гремела машина. Жидко, как-то жалостно дребезжали окна. Мелкие непрерывные толчки, передававшиеся через мягкие пружинные подушки, действовали как непреодолимое усыпительное средство на тяжелый, не привыкший ни к какой работе мозг. Все чаще и чаще приходилось жандарму встряхиваться, и замиравший от волнения арестант считал минуты, когда его страж окончательно свалится и захрапит.

Но вдруг тот оживился: ему вспомнилось, что лучшее средство разогнать сон - трубка. Он вынул кисет, основательно набил коротенькую деревянную носогрейку и, расположившись поудобнее в углу, взял трубку в зубы и чиркнул спичкой. Арестант закрыл с отчаяния глаза.

"Проклятый!" - простонал он про себя: разрушалась последняя его надежда.

Но в эту самую минуту что-то упало на пол. Он бросил быстро взгляд по направлению звука и увидел под противоположной скамейкой трубку, выпавшую из рук жандарма. Тот спал крепким сном с тем самым блаженным выражением лица, которое принял, уминаясь, чтобы покурить поудобнее.

Радость, почти столь же болезненная, как прежнее отчаяние, охватила душу молодого арестанта. Как будто свобода уже открылась перед ним. Как будто между ним и ею не стояло страшного препятствия, которое только при отчаянной смелости и слепом счастье можно было надеяться преодолеть.

Переждав несколько минут, он осторожно встал, поправил шляпу и сделал два шага по узкому проходу.

При свете фонаря теперь можно было рассмотреть его подробнее. На вид ему можно было дать года двадцать четыре, двадцать пять. Он был выше среднего роста и очень пропорционального, хотя не сильного сложения. Мелкие, чрезвычайно подвижные черты небольшого лица с высоким, немного стиснутым на висках лбом, какие бывают у музыкантов; гладкая, чисто женская шея и тонкие, белые руки с длинными правильными пальцами - все обличало натуру нервную, порывистую, страстную, отвечающую скорее представлению об артисте, чем о бойце. Такие физиономии попадают нередко между русскими так называемыми "нигилистами" и притом далеко не всегда среди людей умеренных фракций, скорее наоборот. Общее впечатление нервности и какой-то женственности дополнялось парю красивых серых глаз, которые то потухали под длинными ресницами, то вспыхивали каким-то жгучим блеском. Эти глаза не ругались за упорство и постоянство воли, но они обнаруживали способность к огромной мгновенной энергии, которой отличаются очень нервные люди.

Молодой человек стукнул каблуком об землю, чтобы испытать крепость сна своего стража, и устремил на него свои жгучие серые глаза. Под влиянием этого упорного взгляда жандарм зашевелился во сне. Молодой арестант быстро отвел от него опасный взгляд и, дав ему успокоиться, подошел к своему окошку.

Времени терять было нечего. Еще час езды - и перед ним раскроется черная пасть тюрьмы, откуда ему, быть может, вовеки не выбраться на свет божий.

Он попался под чужой фамилией. Полиция не подозревала, кто он. Но в тюрьме, куда его везли, сидел предатель Харин, когда-то его товарищ, который тотчас его узнает, и тогда его

песенка будет спета. План его был столь же простым, как и отчаянным: выброситься из вагона на всем ходу и, если он не расшибется насмерть и не переломает себе ног, добраться до города, укрыться, переждать первую горячку погони и затем вернуться в Петербург. По счастью, ему удалось скрыть от глупой уездной полиции все свои деньги, которые остались зашитыми у него в платье.

Обе дверцы были заперты, он это знал. Но окно было для него достаточно широко. Он спустил стекло.

Шум и грохот поезда ворвался в вагон вместе с струей свежего воздуха.

Оба жандарма не пошевелились. Молодой человек высунул голову и стал всматриваться вперед в темноту. Верхушки кустов замелькали у него перед глазами. Поезд несся по молодой ореховой поросли, пересыпанной кое-где темными кустами сорной травы, из-под которых виднелась белесоватая песчаная ючва.

"Как раз подходим", - подумал он.

Но когда он опустил голову и взглянул прямо под поезд, то пришел в ужас. Быстро уплывавшая спереди почва здесь неслась с одуряющей быстротой. Камни, шпалы - все сливалось в один непрерывный, бешеный, смертоносный поток. В его расстроенном долгой бессонницей мозгу живо встала картина, в которой он видел себя самого разбитого, растерзанного в клочья этими сучьями, бревнами, камнями. Вздох, похожий на стон, вырвался у него из груди: слабое тело сопротивлялось и малодушно молило о пощаде.

Но это продолжалось только минуту.

- Теперь или никогда!- проговорил он и, встав на подушку сиденья, он скользнул на окно, свесивши обе ноги наружу.

- Ну, держи... А ты его... Лови!- раздалось вдруг за его спиной.

Он с ужасом оглянулся, - то говорил спросонья жандарм под влиянием какого-то смутного ощущения действительности.

Не теряя ни минуты более, молодой человек скользнул вниз и повис на правом локте над черной стремительной бездной. У него закружилась голова от страшного грохота, вихря, душившего его дыма и бывшего ему в лицо мелкими горячими угольками. Поезд в эту минуту заворачивал вправо. Его отрывало от окошка.

Еще мгновение, и он лишился бы чувств. Но в голове его твердо держались инструкции, которые он сам себе давал, обдумывая свой отчаянный план. Нащупав правой ногой точку опоры и держась по возможности по направлению движения поезда, он разом оттолкнулся вперед рукой и ногой и полетел в пространство.

Ему казалось, что он летит долго, без конца. Вихрь прекратился, а он все летел. Он думал, что никогда не долетит. Полно, точно ли он выпрыгнул? Не сон ли это все?

Вдруг что-то ударило его под ноги, точно огромная коса оторвала ему конечности, и страшный толчок в спину растянул его ничком. Из глаз его посыпались искры, и он лишился чувств.

II

Поезд давно пронесся мимо, и мертвая тишина воцарилась в поле. Дождь перестал. Узкий серп луны показался на горизонте, освещая тусклым светом влажную землю, и деревни, и кусты, и неподвижную фигуру, лежавшую у дороги. Подул свежий ветерок.

На востоке побелели облака, предвещая зарю, а темная масса все лежала неподвижно, и теперь, при бледном свете утра, на белом песке у головы можно было заметить кровавое пятно.

Вот на горизонте показался белый, быстро вытягивающийся дымок, под которым виднелась черная полоска. Это ехал другой, ранний товарный поезд. Вот обозначилась длинная цепь серых вагонов. Ближе, ближе, и с тяжелым оглушительным грохотом, от которого дрожала земля, поезд пронесся мимо. Машинист выпустил пар, и пронзительный свисток прорезал влажный утренний воздух.

Неподвижная человеческая масса заметалась, заерзала, и при последнем резком звуке лежавший замертво человек вскочил на ноги и, гонимый каким-то паническим страхом, бросился бежать, перепрыгивая через кусты и спотыкаясь. Поезд быстро удалялся. Шум стих, и беглец понемногу пришел в себя и остановился.

"Зачем бежать? - подумал он. - Ведь никто не гонится".

В первую минуту он был уверен, что поезд, заставивший его очнуться, был тот самый, из которого он так счастливо выскочил. Только посмотрев на небо и заметивши, что уже обутрело, он сообразил, что этого не может быть и что он, должно быть, долго лежал без чувств.

Он вынул из бокового кармана часы. Но они были разбиты вдребезги, ударившись о камень при падении.

Судя по цвету небосклона, теперь должно было быть часов пять утра.

Что-то теплое струилось по его виску. Он пощупал рукою: кровь. Все лицо его было липкое от запекшейся крови.

"Куда покажешься с такой образиной?" - подумал он.

Но как остановить кровь? Рана была неопасная, но очень неудобная в данную минуту. Он открыл маленький сачок, висевший у него через плечо, который он забыл сбросить; но там, кроме носового платка да письменных принадлежностей, ничего не оказалось.

К счастью, кругом росли пучки молочая. Сорвав несколько стеблей, он выжал из них на ранку вяжущий, липкий белый сок. Кровь остановилась.

"Сойдет!" - весело подумал он.

Он вымыл себе кое-как лицо мокрой травой и вытерся чистым платком.

Теперь пора было поскорее убраться с опасного места. Идти в город нечего было и думать: он не дойдет туда раньше полудня, когда вся полиция уже будет на ногах, и его схватят, как куропатку.

Он решил идти наудачу вглубь до первого жилья. Там будет видно.

Он быстро перешел через полотно на ту сторону и пошел напрямик по направлению к югу. Он пересек проселок, бежавший параллельно железной дороге, и с наслаждением углубился в кусты, которые так ласково укрыли его в своих недрах.

Он шел с полчаса, посматривая от времени до времени на забелевший восток, чтобы не сбиться с направления.

За рощей пошло чистое открытое поле. Здесь человека за пять верст видно было. После леса ему стало идти как-то не по себе. Вид у него был совсем не местного человека. Да к тому же эта дорожная сумка... Он пожалел, что не бросил сумку в лесу: в чистом поле оставлять ее было опасно.

Впереди виднелся недавно сложенный стог. Беглец направился туда. Он собирался сунуть вовнутрь стога свою сумку, как, оглянувшись назад, он увидел шагах в ста двух мужиков, лиц которых в полумраке утра он не мог хорошенько рассмотреть. Один был черный, помоложе; другой - старик, с проседью. Оба были в засаленных овчинных тулупах и стояли неподвижно, свесив руки. Хотя они смотрели прямо на него, но с таким равнодушным, апатичным видом, что он был уверен, что они ничего не заметили.

Он подошел к ним.

- Добрый день, - сказал он.

- Здорово, - ответил мужик.

- А не знаете ли, где здесь лошадь с повозкой достать можно?

Мужики переглянулись.

- Что ж, в деревне, известно, лошадь достать можно, - сказал старший. Да ты откуда будешь?

- Проезжий, - отвечал молодой человек.

- Вот ехал, да на последней станции поезд потерял. Ждать до утра другого поезда не хотелось, потому спешное дело Ну, вот пешком и пошел, да дорогой и заблудился. Всю ночь проплутал.

- Так, так. Известно, чего ждать. До города отсюда с три часа места, соглашался мужик.

- Да как же ты заблудился-то? Ведь старая-то дорога все рядом с чугушкой идет...

"Догадывается, шельма!" - подумал молодой человек.

- Да вот то-то, хотел прямыми пройти, - сказал он громко.

- На станции человек один объяснял. Ну, вот и сбился, - закончил он, чтобы как-нибудь извернуться.

Ни один мускул не пошевелился на бесхитростном лице мужика.

- Так, так, - добродушно соглашался он.

- Известно, в незнакомом месте да прямыми, долго ли сбиться? Ты, видно, не здешний?

- Не здешний. Так как же до деревни-то добраться? - нетерпеливо спросил молодой человек, чтобы прекратить поскорее этот допрос.

- А вот как пройдешь поле да взойдешь на тот холмик, вот там, - с большим радушием объяснял мужик, указывая рукою, - увидишь налево кусты, а меж кустами дорога - так, проселковая, почитай что не ежжала. Так ты туда не ходи; а направо будет тебе ветряная мельница, Панютиных господ, что нашей деревней допрешь владели. Так ты туда тоже не ходи. Ни к чему, потому что мельница-то пустая. Наши ее на дрова ломают. А иди ты прямо - и будет тебе тропа.

А по тропе ты вправо все забирай, все забирай, и выйдешь ты на пригорок. Вот там, в долинке, наша самая деревня и будет. Сухомля прозывается. Так она испокон веку Сухомля и была. Там уж спросишь.

- Спасибо, - сказал молодой человек и быстро удалился.

- Счастливого пути! - крикнул ему вслед мужик.

Молодой человек, не останавливаясь, обернулся и кивнул головой.

- Спасибо, - проговорил он на ходу.

- Жулик! - с убеждением сказал мужик, когда молодой человек достаточно удалился.

- Стащил, видно, на станции сумку-то, ну и припрятать хотел.

Молодой человек дошел между тем до пригорка и увидел все, как ему объяснял мужик. Мельницу и проселок. Но он не пошел дальше в деревню по указанному ему направлению. Под влиянием инстинктивного стремления беглецов замести свой след он переменил план и свернул влево. Его манила лесная роща, и дорога казалась достаточно проторенной. По ней он рассчитывал добраться до жилья.

Он шел долго, часа два. Лесок сменился полями.

Потом опять пошел лес. Он освободился от своего сака, забросив его в лесную чашу. Теперь не особенно внимательный наблюдатель мог бы принять его за дворового без места, идущего по бедности на своих на двух искать куда-нибудь счастья. Вид у него был, во всяком случае, достаточно унылый. Он сильно проголодался, и усталость вместе с бессонницей начинали брать свое.

Но это его не смущало. Гораздо более смущало его то, что по временам ноги его ни с того ни с сего подгибались, точно кто-то толкал его под колени. Очевидно, его отчаянный прыжок не обошелся ему даром.

Однако он все шел и шел вперед. Лес становился гуще и мало-помалу менялся. Чаше и чаще стали попадаться хвойные деревья, и мало-помалу лес перешел в темный еловый бор. Вековые деревья нависали своими ветвями над дорогой. В глубине, куда не достигал глаз, виднелась длинная анфилада стройных красноватых колонн. Мягкая, рыхлая, лишенная травы земля была покрыта, как войлоком, сплошным слоем светлопалевых старых хвои, которые, казалось, сами светились нежным, мягким светом, придававшим какую-то таинственность храму этим глубоким темным сводам.

Едва переступая утомленными ногами, молодой беглец плелся вперед, не обращая внимания на окружающее, как вдруг горизонт просветлел, лес расступился, и он увидел перед собою всю залитую косыми лучами, огромную поверхность воды, тихую, как озеро в безветренный день.

То была Волга-матушка, великая русская река, которую он так любил и на которой прошло его детство.

Дорога круто сворачивала направо вдоль реки.

Молодой человек приободрился и пошел по берегу: теперь он знал наверное, что встретит жилье, людей, а с ними, надеялся, и помощь.

На противоположном берегу, точно игрушка, виднелась деревенька.

"Раздеться, связать платье узелком на голову и переплыть на ту сторону", - мелькнуло у него в голове.

Лучшего средства замести след нельзя было бы придумать. Он был хорошим пловцом и мог рассчитывать совершить благополучно опасную переправу. Но он чувствовал такую слабость во всех членах, что не решился второй раз попытать PROVIDЕНИЕ.

"Нужно добыть где-нибудь лодку", - подумал он.

Все прибрежное население промышляет рыбачеством. Ему, наверное, попадется лодка, и он ее купит, отнимет - украдет, если нужно.

III

Он не прошел и получаса, как река сделала излучину, огибая маленький лесистый мысик. Взойдя на него, он точно увидел перед собой лодку. Но она была не пустая. Ни отнимать, ни нанимать ее не представляло возможности, потому что в ней сидела девушка, в которой с первого разу можно было узнать барышню.

Она, очевидно, только что выкупалась. Мокрые светло-русые волосы были связаны тяжелым узлом под белой соломенной шляпой-матроской с узенькими полями, из-под которой виднелось молодое худощавое лицо с правильными и твердыми чертами. Она была одета в ситцевую светло-серую блузочку, перехваченную на талии широким кожаным поясом, и в обнаженных до локтя крепких руках держала весло, которым тихо гребла к берегу. Она уже пригнала лодку к песчаной отмели и встала, покачивая судно ногами, собираясь выскочить на землю, когда молодой человек спустился к воде и, выйдя из-за кустов, кашлянул, чтобы обратить на себя внимание.

- Извините, сударыня... - сказал он.

Девушка с испугом вскинула на него большие голубые глаза и быстрым движением весла оттолкнула лодку назад.

- Не бойтесь. Я ничего вам не сделаю... Остановитесь...- говорил ей молодой человек.

Но дикарка его не слушала. Усевшись ка корму, она заворачивала, гребя и правя веслом.

- Подождите. Мне вам нужно что-то сказать... Ради бога...- вскричал молодой человек.

Девушка остановилась.

- Что вам от меня нужно, ради бога? - сказала она, продолжая держаться на почтительном расстоянии.

Голос ее был грудной, низкий. Она слегка картавила.

- Мне необходимо переехать на ту сторону, вон в ту деревню... Дайте мне вашу лодку. Я вам ее назад отошлю. Перевезите меня сами. Чего вал это стоит?..

Предложение ехать вдвоем с этим незнакомым страшного вида человеком перепугало ее окончательно.

- Я не перевозчица! - сказала она и с решительным видом направила лодку вглубь, усердно гребя веслом. Легкое судно стрелой рассекало тихую поверхность реки.

Отплывши шагов на двести и почувствовав себя в совершенной безопасности, она обернулась. Молодой человек стоял у дерева, отчаянно цепляясь за ветви, чтобы не упасть.

Последние силы оставили его. Он готов был лишиться сознания.

Сердце молодой дикарки сжалось. Не долго думая, она повернула сильной рукой лодку, погнала ее назад и прямо врезалась носом в песок. Она выскочила на землю.

- Что с вами? Вы больны?- спросила она с участием, подходя к нему. Ваше лицо в крови. Вас ограбили? Вы ранены?

Он взглянул ей в добрые голубые глаза. Надежда снова оживила его. Он не сомневался теперь, что девушка, которую послала ему судьба, поможет ему. Но что-то мешало ему притворяться, воспользоваться ею самой подсказанной басней.

- Нет, - проговорил он.- Меня не ограбили. Я бежал. Я соскочил с поезда и сам себя ранил.

- С поезда? Ах, боже мой! Как это ужасно! Зачем же...

Она хотела спросить, зачем же он сделал такую отчаянную вещь.

- Я - политический. Слыхали?

Слыхала ли? Ее Ваня, ее милый Ваня, по которому она томилась вот уже год и которого оплакивала как погибшего, разве не был тоже политическим?

- Вы - политический? Чего же вы мне прямо не сказали?- воскликнула она.

Молодой человек улыбнулся.

- Вы мне не дали времени, - сказал он.

Она тоже засмеялась, истолковав свой нелепый страх.

Этот смех сразу сблизил их.

- Скажите, не встречались ли мы когда-нибудь?- вдруг спросил молодой человек, всматриваясь в свою новую знакомую.

- Мне что-то кажется, будто я вас где-то видел.

- Нет, мы никогда не встречались. Я не выезжала вот уж три года из усадьбы. Но все равно, я для вас все сделаю, точно мы давно знакомы. Ради Вани...- прибавила она как будто про себя.

- Скажите, что вам нужно?

- Мне нужно на тот берег, - повторил молодой человек.

- Хорошо. Садитесь.

Она вскочила в лодку. Он последовал за ней

- Дайте мне весло, - сказал он.

- Я умею грести Вам еще обратный путь предстоит. Вы устанете.

- О нет. Я не раз переплывала реку.

Несколько времени они плыли молча.

- У вас лицо в крови, - сказала девушка.- Там в носу в корзинке есть полотенце.

Он достал полотенце, омочил его в воду и вытерся.

- Сядьте глубже, на самое дно. Вам будет покойнее, - советовала девушка.

Он повиновался, как ребенок.

- Кто же у вас там есть, в той деревне?- спросила девушка.

- Знакомые? Родные, может быть?

- У меня никого там нет, - отвечал он.

- Как никого? Зачем же вы туда едете?

Они плыли на середине огромной реки совершенно одни между небом и землею. Берега виднелись над поверхностью воды. Деревья и избушки казались крошечными, точно были нарисованы на картинке. С берега их лодка должна была казаться ореховой скорлупкой, которую гонит ветром по воде.

Это полное одиночество сблизало их, скрадывая странность встречи и знакомства.

В ответ на простодушный вопрос своей спутницы молодой человек, в свою очередь, спросил, улыбаясь:

- Знаете ли вы, что называется заметать след?

- Нет, не знаю!

- Ну, так и не желаю вам когда-нибудь это узнать.

Он не стал объяснять подробнее. Он чувствовал такую усталость, что ему трудно было даже говорить.

- А, понимаю, - догадалась девушка.- Это значит так сделать, чтобы вас труднее было нагнать?

Он кивнул головой.

- Но как же вы будете уходить дальше, когда вам даже сидеть трудно? спросила девушка.

- Ничего, я отдыхаю. На том берегу я оживу снова.

Она недоверчиво посмотрела на него и покачала головой.

- Не верите? Вот увидите - Да ведь вы больны совсем, - сказала она.

- Ничего. Это пустяки, - спокойно сказал он.

Девушка ничего не отвечала и о чем-то задумалась, слегка хмуря брови, и ее лицо приняло хорошее, смелое выражение.

- Что это вы не туда правите?- сказал он, заметив, что она повернула лодку и пустила ее вниз по течению.

- Я вас везу к себе, - был простой ответ.

Молодой человек не верил своим ушам.

- Что вы? Зачем? Знаете ли, что вы делаете? Ведь вам за это грозит...

- Знаю. Ну так что ж? - отвечала девушка.

Она потупилась, точно чего-то конфузясь и чего-то избегая. Но глаза ее блестели под опущенными ресницами. Грудь дышала быстрее, и ровный, прозрачный румянец вспыхнул на ее щеках. Она очень похорошела в эту минуту.

- Послушайте, да вы - наша!- шепотом проговорил молодой человек.

- Нет, - отвечала девушка, поднимая на него честные, доверчивые глаза. Разве без этого нельзя?

- Я это ради Вани... Почем знать, может, и ему придется быть в такой же нужде, как и вам. Так, может, ему за меня бог пошлет кого-нибудь, сказала она с убеждением.

"Милая, простая девушка", - не мог не подумать ее спутник. Ему было невыразимо сладко отдаться под ее покровительство. Но он боролся с собой.

- Подождите, - сказал он, наклоняясь к ней и останавливая рукою весло.

- Вы ведь живете не одна. Знаете ли, чему вы подвергаете всю вашу семью, укрывая меня?

Девушка на минуту опешила и задумалась.

- Ничего, - сказала она, освобождая весло.

- Я все возьму на себя. Мои ничего не должны знать. Как вас звать?

Молодой человек не сразу ответил.

- Зачем вам знать мое имя? Ваша вина удесятится, если вы будете знать, кто я, - сказал он.

- Извините, вы меня не поняли, - сказала она.

- Я знаю от Вани, что ваши скрывают свои имена. Мне не нужно вашего имени. Скажите, как мне вас назвать моим? Нельзя же вам жить совсем без имени!

Она весело, по-детски засмеялась.

- Ну, хорошо. Зовите меня Волгиным на память о нашей встрече, - сказал он задумчиво.- А имя мое Владимир, по отцу Петрович. Это уж мое настоящее, - прибавил он серьезно.

- Значит, Владимир Петрович Волгин? Буду помнить. Вы - мой знакомый из С. Я вас встретила в лесу и пригласила к себе в гости. Хорошо так? Нет, поправились она, что-то вспомнив.

- Не в лесу, а в Ермиловке, - в той деревне, что на той стороне. Так лучше. Нужно замести след.

Она опять засмеялась.

- Да вы совсем конспиратор!- сказал он, улыбаясь ей в ответ.

Но она приняла его слова серьезно.

- Нет, и никогда не буду! - ответила она и энергичнее налегла на весло.

Молодой человек посмотрел на нее долгим и проницательным взглядом.

"Не гадай вперед, барышня!" - подумал он про себя с юношеской самонадеянностью.

Он правду сказал ей, что ему стоит только отдохнуть несколько минут, чтобы ожить снова.

Он успел оправиться за дорогу, и вместе с физическими силами к нему вернулись инстинкты вербовщика.

- Ну, вот мы и дома!- Девушка прервала молчание.

Она стала заворачивать лодку к правому берегу.

На крутом берегу виднелся наполовину закрытый зеленою белянкой домик с высокой тесовой крышей, какие бывают у помещиков средней руки. Справа виднелся флигелек, слева сараи, а в глубине, поднимаясь выше по скату, тянулся обширный фруктовый сад.

Причалив к берегу, Владимир вытащил лодку на песок, и они стали подниматься по узенькой тропинке к дому.

В передней им встретилась старуха в темной кичке, которая с удивлением посмотрела на незнакомца.

- Няня, что мама встала уже?- спросила девушка.

- Как же, встали. Кофей кушают. Вас ожидают.

- Хороню. Я сейчас. А ты проводи Владимира Петровича во флигель. Я к вам сию минуту, - обратилась она к последнему.

Владимир пошел за старухой, которая, бормоча что-то себе под нос, провела его, куда ей было приказано. Переступив с гостем порог флигеля, старуха перестала ворчать.

- Что вы, батюшка, по делу или знакомый Катерины Васильевны будете? спросила она, чтобы завести разговор.

- Знакомый, - односложно отвечал Владимир и повернулся к окошку, чтобы избежать дальнейших расспросов.

Старуха низко поклонилась ему в спину и ушла, осторожно затворив за собой дверь.

Владимир осмотрелся. Флигелек состоял всего из двух комнат. В передней стоял умывальный столик, несколько деревянных стульев работы домашнего плотника и изразцовая печь. В задней видна была широкая кушетка, служившая, очевидно, постелью, и маленький дубовый столик. На стене висело несколько литографий и небольшая этажерка с книгами.

Девушка, в противность своему обещанию, не приходила довольно долго. Разговор с матерью, очевидно, затянулся. Владимир привел себя, насколько мог, в порядок и вымыл голову холодной водой. Рана успела запечься, и крови больше не показывалось. Девушка все не являлась. Чтобы чем-нибудь занять время, пока решалась его судьба, он подошел к этажерке и вынул первую попавшуюся ему под руку книгу, раскрыв ее наудачу. Это оказалась какая-то детская повесть. Он открыл первую страницу, чтобы посмотреть заглавие, и увидел выведенные четким писарским почерком слова: "Девушке Екатерине Прозоровой за благонравие и успехи в науках".

- Прозоровой! Так она Прозорова!- вскричал Владимир.

- И Ваню вспоминала. Так, так. Теперь понимаю, отчего мне ее лицо показалось знакомым. Да нет, не может быть! Впрочем, вот, кажется, и она...

Он слышал быстрые шаги. Девушка входила в дверь.

- Мама, зовет вас. Пойдемте, - сказала она - Я с ней переговорила.

Он поднес ей книгу.

- Это ваша? Вы Прозорова? У вас есть брат Иван?

- Да, да. А что?

- Да мы с ним друзья! - сказал Владимир.

Катя всплеснула руками.

- Как? Ваня! Да где же он, что с ним? Жив? Здоров? Мы уж год, как от него не имеем вестей. Вот-то мама обрадуется! И как это я, глупая, раньше не догадалась вас спросить! Ну, что же он, говорите!

- Я уже три месяца, как из Петербурга, - сказал Владимир. - Перед отъездом я с ним виделся. Он был жив и здоров.

- Отчего же он не писал?- удивлялась Катя.

- Ему давно это неудобно, - уклончиво отвечал Владимир.

- Ну, да идем к маме скорей, - прервала его Катя. - Там все раскроется.

Она быстро отворила дверь и почти бегом направилась к дому. Владимир с трудом поспевал за нею.

IV

В столовой он застал мать, женщину лет пятидесяти, с буклями, какие носили в старину, очень похожую на дочь, но рыхлую и толстую. Она казалась сильно встревоженной и встретила его строгим, внимательным взглядом, от которого Владимир весь съежился и решил, что он не пробудет в этом доме ни часу дольше.

- Мама, - вскричала Катя, не давши ей выговорить ни слова, - Владимир Петрович - друг нашего Вани! Он нам от него весточку принес.

Прозорова разом преобразилась. Она радушно протянула руку, усадила его рядом, стала осыпать вопросами, на которые он едва успевал отвечать. Позвали няню, которая вынырнула и брата и сестру. Позвали дворню. Всем была сообщена радостная весть, что молодой барин, которого они уже считали погибшим, благополучно живет в Петербурге, и вот его приятель проездом нарочно завернул к ним в усадьбу, чтобы об этом сообщить.

Прозорова сама верила этой версии внезапного появления Владимира в их доме. Рассказ дочери, которая действительно не выдержала конспирации и рассказала ей все начистоту, как-то сам собою стусевался. Статочное ли дело, чтоб друг Вани и такой приличный молодой человек, с такими хорошими манерами, вдруг прыгал с поезда и бегал от каких-то полицейских, точно разбойник придорожный? Дочка, наверное, подшутила над ней, старухой. А то, может, гость подшутил над Катей, а та по простоте и поверила.

Владимир стал ей дорогим гостем, которого она не знала куда посадить, чем попотчевать. После завтрака он заговорил, что ему нужно уехать, и спросил, где бы достать подводу. Прозорова замахала руками.

- Что вы, батюшка, обидеть нас хотите?- сказала она.

- Ничего почитай нам не рассказали и уж уезжать собираетесь! Поживите. Когда еще такого гостя дождемся?

- В самом деле, Владимир Петрович, чего вам спешить?- сдержанно присоединилась к ней Катя.

Этого полужелания было достаточно, чтобы заставить его тотчас же согласиться. Почему в самом деле не остаться несколько дней с этой милой девушкой и не попытаться завербовать ее? Так, по крайней мере, он старался объяснить себе самому - то удовольствие, с каким он принял приглашение.

Он водворился во флигельке и первые три дня был совершенно счастлив. За столом он разговаривал с матерью о сыне, припоминая все подробности, какие мог, о его петербургской жизни. Потом он уходил к себе и читал, что попадалось под руку, а больше прислушивался, не раздастся ли по песку дорожки знакомый звук легких шагов. Катя в первый день была за него в большой тревоге. Она несколько раз забегала к нему на минутку, как будто чтобы удостовериться, цел ли он, не унесли ли его жандармы в трубу. Потом она успокоилась и заходила к нему запросто, иногда приносила с собой вышивание и тогда засиживалась подолгу. Она привыкла к деревенской простоте и, после того как узнала о дружбе Владимира с братом, перестала его дичиться и держала себя с ним как с обыкновенным хорошим знакомым. Они много говорили о брате, и Владимиру не нужно было напрягать память, чтобы говорить с нею на эту тему. Ей он мог рассказывать о той стороне жизни брата, которая была у них общей и которую одну он хорошо знал: о его взглядах, убеждениях и деятельности, о чем нужно было умалчивать при матери. Потом разговор незаметно переходил к ней самой.

- Мы были очень дружны с Иваном,- сказал он ей раз после обеда, удивляюсь, как это он мне о вас никогда не говорил?

- Чего ж ему было обо мне говорить?- сказала она, не поднимая головы от вышивания.

- Он знал, что из меня ничего не выйдет.

- То есть он это думал, - Владимир поправил ее.

- Я всегда замечал, что родные хуже всего умеют ценить друг друга.

Катя улыбнулась.

- Вы думаете?- сказала она, поднимая на него смеющиеся глаза.

- А я так думаю, что Ваня знал меня отлично. Я у него почти на руках выросла. После отца я ведь совсем маленькой осталась. Конечно, он знал меня, и то, что он обо мне думал, - правда.

- Если вы так говорите, значит, вы сами себя не знаете, - сказал Владимир просто и искренно.

- Посудите сами: что вы сделали для меня, чем рисковали для меня, чужого, неизвестного вам человека! А тут вокруг вас томится и страдает народ, который вы знаете и, я уверен, любите. Как же я могу поверить, чтобы вы не хотели ему помочь?

- Да, я часто хожу на деревню и люблю здешний народ. Это правда, сказала она.

- И вы не думайте, что мы с мамой только о себе заботимся; мы помогаем, чем можем, - прибавила она потупившись.

- Ах, не говорите мне, ради бога, о филантропии!- воскликнул Владимир.

- Разве это помощь? Это лишние крохи от сытого стола.

- Что же следует делать? Раздать все имущество бедным, как Христос велел? - спросила девушка без малейшей иронии.

- Можно и раздать, коли есть охота! - сказал Владимир. - Это не так трудно Да только мало и этого, и не в этом дело.

- А в чем же? - спросила Катя, вскинув на него удивленный взгляд.

Владимир посмотрел на нее, и его серые глаза загорелись.

- В том, чтобы отречься от себя, - сказал он. - Не иметь ни днем, ни ночью другой думы, кроме блага этих ваших меньших братьев. Душу за них положить!

Вот это будет любовь, это будет помощь!

Он заговорил о народе, о его нуждах и страданиях, об его правах и возможном будущем. Говорил он хорошо, одушевленно. Он умел увлекать. Никогда молодая девушка таких речей не слыхала. Брат высказывал ей те же мысли. Но у него это выходило сухо, наставительно: может быть, потому, что она привыкла видеть в нем учителя. Этот свалившийся с облаков таинственный гость открывал ей двери в какой-то новый, неведомый, волшебный мир. Его речи волновали ее, но не удовлетворяли: в них было для нее что-то неполное, недосказанное, и она старалась побороть свое волнение, но не могла. Работа выпала у нее из рук. Краска залила ее лицо. Притаив дыхание, она слушала.

- Кто бы не отдал жизнь, чтобы все люди стали счастливы! - проговорила Катя задумчиво, как бы про себя, когда Владимир замолчал.

- Что ж, - спокойно сказал Владимир,- путь ясен Мы не увидим обетованной земли. Но мы идем к ней. Опоящите свои чресла, как сказано в Евангелии, оставьте дом и семью и идите к нам, к брату

Она покачала головой.

- Нет, я не пойду к вам. Я не хочу крови, - сказала она после некоторого молчания.

- Мы зовем людей не на кровь, а на жертву, - отвечал Владимир. - Не наша вина, что в мире ничего не совершается без страданий.

- Не то, нет, не то, и никогда не пойду я с вами - повторяла девушка. Вот вы помянули Евангелие. По моему, вся правда в нем. Нужно, чтобы люди стали такими, как Христос учил, и тогда всем будет хорошо на свете и все станут жить как братья, и не нужно для этою драться и убивать... Вот видите, мы никогда не сойдемся, - закончила она, наклоняясь над своей работой.

Их позвали ужинать. Разговор на этом прекратился Владимир, возобновлял его не раз в следующие дни, когда встретил такой упрямый отпор, какого не ожидал. Катя даже не волновалась более от его речей, точно его слова утратили для нее прежнее очарование. Возражения ее стали тверже. Она не была особенно одарена от природы, и мысль ее работала медленно и трудно. Но она думала серьезно и добросовестно и продумывала вещи до конца и

уже держалась крепко. Она, очевидно, внимательно обсудила все, что говорил ей ее гость, и даже усвоила себе его терминологию и тем тверже стояла на своем.

- Мы расходимся в путях, - был ее вывод.

Она не прибавляла более: "И никогда не сойдемся".

Но теперь самому Владимиру эта прибавка показалась бы излишней. Такое упорство там, где он уже собирался торжествовать легкую победу, сначала раздражало молодого революционера и разочаровывало его в девушке, которая с первого раза так поразила его, но потом заставило его смириться и еще более усилило ее обаяние. Нервный и порывистый сам, он чувствовал в этой молодой девушке твердую, спокойную силу, которой у него не было, и его легко воспламеняемый энтузиазм просыпался и принимал новую форму. Теперь их взаимное положение значительно переменялось.

Когда она сидела у своего интересного гостя, то уже не он, а она вызывала политические разговоры. Он их избегал. К чему спорить? Он потерял надежду ее переубедить. Его самоуверенность исчезла. Он впал в уныние. Иногда они подолгу молчали.

- Что с вами?- спросила его раз Катя, заметив в нем перемену.

- Вы нездоровы?

- Нет, я совершенно здоров. А что? - в свою очередь, спрашивал Владимир.

- Да что же вы такой...

- Что? Кислый? - подсказал Владимир.

- Ну да, кислый! - согласилась Катя.

- Так. На меня иногда такой стих находит, - отвечал он.

Их долгие разговоры и специальная горячая атмосфера, в которой они провели эти дни, очень их сблизили.

Несколько минут прошло в молчании. Катя придвинула к себе лампу, чтобы лучше рассмотреть трудный узор.

- Что это вы вышиваете? - спросил Владимир.

- Так, для няни, - скороговоркой ответила она.

- А я так думала, сказала она другим тоном, очевидно продолжая собственную мысль, - что такие люди, как вы, не должны знать ничего этого... такого, как вам сказать... унылого.- Она затруднялась в выражении. - Что вы должны быть всегда бодры и веселы.

- Да?

- У вас такое дело, - продолжала Катя. - Вы такой смелый, сильный.

- Я - сильный? - скромно сказал Владимир.

- Вот вы – сильная. Приезжайте к нам в Петербург, и вы увидите людей очень сильных. А я силен, только когда на меня сходит дух святой. Теперь же он меня оставил.

Катя с удивлением смотрела на него. Вся его психика была для нее тарабарская грамота. А чего она не понимала, то на нее не действовало. Она решила, что гостю ее нездоровится, и что самое лучшее для него - лечь пораньше спать. Она встала, собираясь уходить. Но на лице Владимира появилось выражение такого искреннего, детского огорчения, что она села снова. Чтобы развлечь его, она начала рассказывать какие-то пустяки. Он слушал, надувшись.

Из них двоих она походила теперь больше на твердого, спокойного мужчину, а он - на нервную впечатлительную женщину.

На другой день - это было к концу недели - Катя собиралась идти после обеда в деревню и пригласила своего гостя проводить ее. После первого преувеличенного страха за его безопасность у нее наступил теперь период преувеличенной уверенности.

Владимир, понимавший лучше ее опасность, отказался. Но, когда она ушла, ему сделалось так тоскливо, как жалко, что он не пошел с ней, так страшно захотелось догнать ее, что он изумился и встревожился.

"Неужели же это?.." - мелькнуло у него в голове.

Он не решался самому себе высказать ясно внезапную догадку. "Да нет, вздор! - подумал он, потряхнув головою.

- Просто прижился, привык. Больно уж я тут засиделся!"

Он решился уехать на другой день.

Вечеров, против обыкновения, он пошел в дом к хозяйке, чтобы провести с ней вечер и распрощаться.

Но он ушел, ничего не сказавши. Катя была так мила, а хозяйка так радушна, что он решил отложить отъезд на один день.

"Оно даже безопаснее, - оправдывался он перед самим собою. Послезавтра воскресенье, а по праздникам всегда следят слабее".

Но он долго не мог заснуть в эту ночь и встал поздно.

V

Он застал хозяек в столовой и по лицам их тотчас же заметил, что они о чем-то оживленно спорили. На столе лежало открытое письмо, написанное крупным и четким мужским почерком.

- Вот от Павла Александровича письмо пришло, - начала Прозорова. Будет к обеду. Он у нас все праздники проводит, - пояснила она.

Владимир любопытствовал, кто этот Павел Александрович, которого он не имел чести знать.

- Крутиков, коллежский советник, - отвечала старуха. - Он чиновник особых поручений при губернаторе. Отличный молодой человек, и на виду. Лучшей партии для моей Кати я и не желаю...

Владимир сделал удивленное лицо.

- Он мой жених, - проговорила Катя потупившись.

У Владимира резнуло ножом по сердцу. Лицо его вытянулось. У Кати есть жених, и притом чиновник!

Он этого никак не ожидал.

Прозорова продолжала между тем перечислять достоинства жениха, и это дало Владимиру время оправиться. "Мне-то что?" - сказал он сам себе, пожав плечом.

- Вам, вероятно, понадобится флигель, - проговорил он угрюмо, когда Прозорова сделала перерыв. - Я еще вчера собирался сказать вам, что думаю уехать.

Так позвольте поблагодарить за ваше гостеприимство.

- Совсем вам незачем уезжать, - перебила его Катя, объяснившая его решение по-своему.

- Вы можете вполне довериться Павлу Александровичу, хоть он и чиновник. Мне хочется, чтоб вы с ним познакомились. Он хороший...

- Не сомневаюсь, раз он ваш жених, - сказал Владимир, смотря ей в лицо.

- Но, право же, мне нужно ехать, и я вас очень прошу...

- Пустяки. Вы остаетесь. Я вас прошу, - уговаривала его Катя.

- Я обижусь, если вы уедете.

- Конечно, оставайтесь, Владимир Петрович, - сказала Прозорова.

- Как же так сразу взять и уехать? Да и лошади у нас не кованы. А Павел Александрович нам как родной. Он любил Ваню, хотя, конечно, не одобряет его за мечтания...

- Вовсе не одобряет, - вспыхнула Катя.

- Мне это лучше знать. Я с ним переговорю. Предоставьте это уж мне.

Она сильно волновалась, хотя старалась казаться спокойной. Почему-то она чувствовала себя виноватой, что не предупредила Владимира заранее о Павле Александровиче, хотя она сделала это без всякого умысла.

Как-то не подумала. Да и какой Владимиру мог быть в том интерес, выходит ли она замуж и за кого.

Проводив его во флигель, она была с ним особенно ласкова и все старалась наверстать потерянное и дать ему понятие о прекрасных взглядах и качествах Павла Александровича. Но это ей не удавалось.

"Помпадур по последней моде!

- решил он про себя.

- И за такого-то человека выходит такая девушка!"

Он слушал ее сдержанно, так сказать, нейтрально, как предписывала вежливость. Что-то говорило ему, что встреча с этим прилизанным бюрократором, каким он мысленно представлял его себе, не кончится добром.

Но уклониться от нее теперь было бы малодушием.

Ровно в двенадцать часов к крыльцу подкатил экипаж. Владимир слышал звук колес из своего флигеля. Но он увидел Крутикова, только когда его позвали к столу. Это был молодой человек лет тридцати, брюнет, одетый хорошо, но без претензии, и вовсе не прилизанный. Густые, черные как смоль волосы были острижены щеткой. Тяжелый подбородок был гладко выбрит и отливался синевою. Крупные черты лица были правильны и внушительны, но когда он улыбался, то нос его как-то приплющивался, что придавало его лицу плоское вульгарное выражение. Впрочем, он знал за собой этот недостаток и улыбался редко. Катя представила их друг другу.

Перед приездом жениха Катя хотела сказать ему, кто такой их гость. Но, оставшись с ним наедине, она ничего ему не сказала и отрекомендовала Владимира просто как друга Вани.

Крутиков окинул его быстрым взглядом. Владимир имел довольно приличный вид: на другой же день после своего водворения он через приказчика Прозоровой купил себе из города немного белья и некоторые другие необходимые вещи. Но во всем его обличье было что-то, сразу заставившее Крутикова причислить его к той категории людей, которых он особенно ненавидел и к которым принадлежал его будущий свояк.

"Одного поля ягода!

- решил он про себя.-Как только он сюда попал?"

- В Петербурге изволите проживать?

- любезно осведомился он.

- Как придется, - уклончиво отвечал Владимир.

- Больше в Петербурге; бываю, впрочем, и в других городах.

- Так, так. По службе, значит, ездить изволите?

- Конечно, по службе. А то с чего бы мыкаться?

- отвечал Владимир с едва заметной иронией.

- Нельзя человеку без службы по нынешним временам.

Крутиков хотел было спросить гостя, где он служит, но удержался. У Владимира был такой явно не служилый вид, что Крутикову стало очевидно, что он либо врет, либо смеется.

- Давно изволили пожаловать в наши палестины ?
- любезно спросил он, чтобы переменить разговор.

- С неделю, - отвечал Владимир.

- Прекрасное время выбрать изволили. Теперь у нас на Волге благодать. Вы пароходом изволили приехать, осмелюсь спросить?

- Нет, я изволил ехать по железной дороге,- с усмешкой отвечал Владимир.

Его раздражал этот неформальный допрос, но вместе ему забавно было представить себе, какую рожу скорчил бы этот самодовольный помпадур, если б узнал, каким образом он "изволил" сюда пропутешествовать. Пока он, очевидно, ничего не знал, и Владимир был очень благодарен за это Кате.

Крутикова покорило от шуточного тона гостя, который он считал дерзостью. Он устремил на Владимира пронизывающий, сыщнический взгляд.

У него уже несколько времени мелькала в голове догадка, ставшая понемногу уверенностью, что этот жиденький молодой человек не кто иной, как бежавший с дороги политический, которого так усердно разыскивали в городе. Время его появления и приметы, все подходило. Но как он сюда попал? Как Катя ему ничего не сказала? Неужели она в заговоре против него с этим молодцом? Или сама ничего не знает?

Он решил продолжать свой легонький допросец. Но Катя позвала всех к столу. Она была все время как на иголках и воспользовалась первым предложением, чтобы прервать разговор, грозивший сделаться опасным.

Крутиков повел свою невесту к столу и сел с ней рядом. Владимир поместился насупротив, с матерью. За столом Крутиков разговаривал почти один, рассказывая про службу, про губернатора, причем явно хвастался своею близостью к нему. Старуха Прозорова совсем таяла, слушая эти рассказы.

Но вдруг Крутиков с самым невинным видом спросил ее:

- А слышали ли вы, матушка, новость: у нас политический от жандармов убежал, выскочивши из вагона?

- Как же, слышала. Катя мне что-то рассказывала, - сказала старуха совершенно просто.

Крутиков пересолил. Он задал свой вопрос так небрежно, что он только усыпил Прозорову, а не встревожил.

- Как, и вы уже слышали?

- обратился он к Кате с наивным видом.

- Да, слышала, - хмуро отвечала Катя, вставая изза стола.

- Идемте пить кофе в гостиную. Здесь душно.

Терпеть не могу, когда за столом... спорят, - прибавила она, хотя никто в этот раз не спорил.

Крутиков посмотрел на нее сбоку. "Он все знает и в заговоре против меня", - стало для него несомненно.

Он опешил и замолчал. В гостиной он сидел угрюмый; потом подошел к своей невесте и отвел ее в сторону. Они о чем-то оживленно стали разговаривать.

"Мирятся!" - решил про себя Владимир.

Отпив свою чашку, он ушел к себе.

Оставаться дольше в этом доме ему было невыносимо, отвратительно. Нужно уйти, бежать сейчас, сию минуту. Ему неприятно было уйти точно тайком от Кати. Но она поймет. Он ей оставит письмо.

Тотчас же он стал писать. Письмо ему не понравилось. Он его сжег. Потом написал другое и тоже сжег и кончил тем, что оставил три строчки:

"Благодарю горячо за все, что вы для меня сделали, и прошу извинить, что вынужден покинуть ваш кров, не простившись с вами".

Он подписал: "Ваш Владимир Волгин", - и вложил эту записку в ту самую книгу на этажерке, которая так помогла их сближению, и поставил ее на полку.

"Если она обо мне вспомнит, то догадается, где искать", - подумал он. Затем он вышел в сад, а оттуда через калитку на тропинку, которая вела к реке. Никто его не заметил. Спустившись вниз по знакомой тропинке, он увидел пристань и ту самую лодку, в которой он совершил свое достопамятное путешествие.

Как недавно все это было, а сколько за это время он передумал и переживал!

Задумчиво он пошел по дороге, вниз по реке. Все, что произошло за эту неделю, было для него прошлым, как он думал, невозможным прошлым, которое уже окрашивалось нежными цветами уходящего воспоминания.

На завороте дороги он остановился и повернулся назад, чтобы взглянуть в последний раз на домик, где жила девушка, которая - теперь он готов был в этом сознаться - заполонила было его сердце и воображение. Он мысленно прощался с ней навсегда, как вдруг его окликнул знакомый мужской голос.

Перед ним стоял Крутиков под руку с Катей.

Они вышли гулять на Волгу и теперь возвращались домой.

- Вот и вы тоже гулять вышли, - проговорил Крутиков, улыбаясь своей плоской улыбкой. Он был теперь гораздо любезнее, чем за обедом, в угоду Кате, с которой у него, очевидно, произошло чистосердечное объяснение.

- Да, я вышел погулять...

- вынужден был сказать Владимир.

Он посмотрел на Катю.

- В такую прекрасную погоду кто же может усидеть дома?
- сказала она.

Тонкая улыбка чуть-чуть змеилась на ее губах. Но ее глаза и все милое, живое лицо, казалось, искрились и трепетали от внутреннего смеха.

Она тотчас догадалась о цели Владимировой прогулки, и эта нечаянная поимка беглеца сместила ее ужасно.

- Ну что ж, хотите продолжать прогулку один и бросить нас на произвол судьбы?
- сказала Катя шутливым, ему одному понятным тоном.

- Нет, благодарю, уж я погуляю в другой раз, - отвечал Владимир, улыбаясь ей в ответ.
- А теперь я лучше провожу вас.

VI

Они пошли обратно. В почтительном расстоянии от них следовал рассыльный с черным кожаным портфелем. Он только что прибыл из города с экстренными бумагами от губернатора.

- Вот, батюшка, - весело сказал Крутиков, указывая головой в сторону своего сателлита.
- Не легкое наше дело. И в этом мирном убежище, посвященном музам и купидону, - неуклюже шутил он, - дела носятся за нами в образе вот этого Гермеса.

Они вошли в гостиную. Старухи там не было, она еще не спустилась из спальни, куда уходила соснуть часок после обеда.

Крутиков ушел тоже наверх, в свою комнату, разобраться с бумагами. Катя осталась с Владимиром наедине.

- Ну что, очень вы огорчены тем, что мы помешали вашему бегству?
- со смехом спросила она.

- Огорчен, но не очень, - отвечал Владимир.
- Я все равно уйду сегодня ночью и теперь имею возможность лично попрощаться с вами, Катерина Васильевна.

- И вовсе вам нет надобности так спешить убежать отсюда. Вы безопаснее теперь здесь, чем когда-либо.

Я все рассказала Павлу Александровичу, и можете быть уверены, что ваш секрет в хороших руках.

- Вполне верю и благодарю его за великодушие, - холодно сказал Владимир.
- Но все-таки позвольте с вами распрощаться.

Катя пожала плечами и надулась.

- Знаете, что я вам скажу?
- проговорила она после небольшой паузы. Это нехорошо.

- Что нехорошо? Что я не хочу на всю жизнь остаться вашим нахлебником?
- капризно сказал Владимир.

- Нет, не то...
- прервала Катя.
- Нехорошо, что вы так нетерпеливы. Я ведь знаю...

Ее прервал Крутиков, вошедший в эту минуту в гостиную. Обыкновенно невозмутимое, самодовольное лицо выражало тревогу и какое-то унылое недоумение.

В руках он держал открытое письмо.

- Что такое? Что случилось?
- вскричала Катя.

- Да вот известие пришло насчет Вани, - неохотно сказал Крутиков.

- Что же, говорите скорей. Не томите!
- умоляла его Катя.

- Беда страшась, - сказал Крутиков, - хотя, конечно, это нужно было рано или поздно предвидеть, потому что все эти, как там... мечтания до добра не доводят.
- Он кинул искоса взгляд на Владимира.
- Одним словом, Ваня арестован.

Слова эти были как удар грома.

Катя вскрикнула и бросилась не к жениху, а к Владимиру, Инстинкт подсказал ей, что он ближе ей в этом горе. Она опустилась на стул с ним рядом и, припав к спинке, истерически зарыдала.

Владимир наклонился над ней.

- Успокойтесь, - говорил он.
- Может быть, все кончится пустяками. Не всякий арест означает гибель.

Нужно узнать подробности... Будьте любезны, позвольте взглянуть на письмо, - обратился он деловым тоном к Крутикову, который, нахмурившись, смотрел на эту сцену.

- Нет, я лучше сам прочту, - сказал он.
- Это всего несколько строк.

- "Получено так же известие.
- начал он, - что один из дворян нашей губернии, Иван Прозоров, брат вашей невесты, арестован в Петербурге. Это обстоятельство, ввиду вашего отношения к семье арестованного, не может не огорчить вас. Но никто не может быть ответственным..." - Крутиков пробежал глазами несколько строк.
- Это к делу не относится, - пробормотал он.
- "Виновником ареста и гибели молодого Прозорова, как и многих других, называют некоего Муринова, недостойного сына известного сенатора, бывшего когда-то начальником нашей губернии. Кто бы мог под мать..."

- Дальше не интересно, - сказал Крутиков, кладя письмо в карман.

- Ну что?

- спросила Катя, поднимая на Владимира взгляд, полный тоски и ожидания, каким смотрят на доктора у постели умирающего.

Владимир был бледен как смерть.

Муринов - это был он.

- Нет надежды? Ваня погиб? Мы никогда его больше не увидим?

- вскричала Катя, хватая его за руку.

В это время в соседней комнате раздался шум и что-то грузно грохнулось на пол.

Старуха Прозорова, выспавшись, шла к гостям и сквозь открытую дверь услышала слова дочери.

Старуху унесли в постель. Катя с няней хлопотали около нее.

Крутикову нужно было уехать в тот же день. Губернатор требовал его по экстренному делу. Катя вышла на секунду от больной и тотчас же ушла, так что Владимиру одному пришлось провожать ее жениха.

На прощанье Крутиков крепко пожимал ему руку, улыбался своей плоской улыбкой и с особенным чувством говорил:

- До свиданья! Надеюсь увидиться с вами при более благоприятных обстоятельствах.

Но когда через минуту Владимир повернул к нему голову, то поймал взгляд, полный такой ненависти, который сказал ему все. Владимир уже задавал самому себе небезынтересный для него вопрос: донесет на него этот только что оперяющийся помпадур или нет. "Донесет", - решил он в эту минуту. Приятная встреча, о которой тот говорил, значила встречу в тюрьме, у следственного стола! Удовольствие такого свидания было бы не совсем обоюдным, и Владимир решил помешать ему. Он уйдет в эту же ночь. Но прежде ему необходимо во что бы то ни стало повидаться с Катей.

Он должен сказать ей, кто он, и разъяснить ей правду.

Они никогда больше не встретятся. Но она может какнибудь узнать, кто он. Да и все равно, если даже ее узнает, он не допустит, чтоб она думала о Владимире Муринове как о виновнике гибели ее брата, быть может предателе...

Во всю дорогу до станции Крутиков был мрачен и зол. Он гнал кучера, бранил его и даже толкнул кулаком в спину. Его "народолюбие" относилось только к массам. С единичными представителями народа он не считал нужным церемониться. На душе у него скребли кошки. Он задавал себе тот же вопрос, что и Владимир, хотя с другой стороны.

"Донести или не донести?"

Ему, как приличному молодому человеку, было противно выступать в роли доносчика, да еще на гостя в доме, который он наполовину считал своим. Но дело шло о Кате, о счастье

всей его жизни. Долго ли сбить с толку и погубить такую великодушную, экзальтированную девушку, как она? Мало ли было примеров?

Между нею и этим оборванцем уже установилась тесная связь, которая его и мучила и пугала. Она была с ним в заговоре против него, своего жениха. Правда, она потом призналась ему в этом сама, но теперь он вспомнил, что она сделала это только после того, когда убедилась, что он и без нее все уже знает. И потом эта последняя сцена... У него все закипало внутри, когда он вспоминал о ней... Чем это может кончиться? Положим, этот Владимир, или как его там, скоро уедет.

А если не уедет сам, то его ничего не стоит спугнуть.

Но что помешает ему вернуться опять через месяц, другой? Не вернее ли устранить его совсем? Не обязан ли он побороть свою щепетильность во имя долга службы, во имя любви к Кате?

Но что скажет на это сама Катя? Как посмотрит на него за такой поступок?

Он ничего не мог решить, и это еще больше его злило и раздражало. Так он доехал до города. Так провел он весь вечер дома и так, ничего не решивши, входил он на другой день в кабинет губернатора.

В домике на Волге между тем царили скорбь и уныние. Прозорова не оставляла постели, и Катя проводила все время с матерью. Весь вечер в субботу Владимир просидел внизу, в столовой, в надежде увидеть ее хоть на минуту. Но она не показывалась. Может быть, она нарочно избегала его.

Он пошел к себе во флигель. Передать ей письмо и уйти, не выдавшись? Нет. Этих вещей нельзя сделать письменно. Он решил остаться. Его давешние опасения казались ему теперь напрасными. "Не донесет,- решал он, - потому что он знает, что не видать ему Кати как своих ушей, если он вздумает донести".

Все воскресенье он провел в мучительном ожидании. Катя не показывалась. После обеда он увидел ее мельком, когда она спустилась на минуту в кухню сделать кое-какие распоряжения. Она издали кивнула ему головой и ушла снова наверх. Так он с ней и не обменялся словом.

Время между тем шло, и с каждым часом волнение его усиливалось. К прежним мучениям присоединилось теперь новое. Его ответ на вопрос о том, "донесет" или "не донесет", принял теперь третью и окончательную форму: "Донесет и сделает это так, чтобы Катя ничего не подозревала".

Он был как на угольях. До позднего часа он ждал, прислушиваясь к малейшему шороху. Наконец он решился написать ей записку, в которой просил свидания.

Няня спускалась по витой лестнице с графином воды.

- Что, как барыня?

- спросил Владимир.

- Слава богу, кажись, лучше. Теперь уснули.

- Так вот, когда пойдете назад, передайте это барышне.

Он подал ей маленькую записку, сложенную вчетверо. Старуха посмотрела ему в лицо и неодобрительно покачала головой, однако записку взяла.

Владимир писал Кате: "Мне нужно что-то сказать вам. Ради бога, спуститесь ко мне. Я вас не задержу.

Дело идет о моей жизни, которую вы спасли".

Переменив воду, старуха снова поднялась наверх, и через минуту Владимир услышал по лестнице Катины шаги.

VI

Она вошла к нему добрая, ласковая и дружески пожала ему руку.

- Здравствуйте, - сказала она.

- Мы с вами так давно не видались. Ну, что вы мне хотели сказать? Говорите. И отчего вы мне не дали знать раньше, что вам так нужно меня видеть? Я бы раньше пришла.

- Я думал, я боялся, что вам это будет неприятно, - сказал Владимир. Мне казалось, что вы меня избегаете...

- Мне избегать вас?

- удивилась Катя.

- С чего же? Вы мне ничего худого не сделали.

- Не сделал, клянусь вам, и не сделаю, - горячо проговорил Владимир, но меня обвиняют перед вами, будто я уже сделал...

- Вас? Не понимаю. Кто же вас в чем обвиняет?

- спросила Катя.

- Вы помните письмо, что читалось вчера?

- Ну, так что ж?

- Помните там имя Муринова?

На лице Кати появилась неприятная гримаса.

- Того, кто Ваню подвел или выдал там, что ли?

- спросила она.

- Тот, кого подлым образом в этом обвиняют, перед вами!

- воскликнул Владимир.

- Муринов - это я.

- Вы?

- вскричала Катя, невольно смеривая его каким-то особым взглядом.

- Да, я!

- повторил Владимир.

- И мне слишком тяжело было уйти, не смывши с себя обвинения в том, будто я был причиной поразившего вас несчастья.

Я привлек вашего брата в наши ряды, это правда, и горжусь этим. Но в гибели его нет моей вины, ни вольной, ни невольной.

Он прямо и доверчиво смотрел ей в лицо и ожидал ответа. Но она медлила. Нахмурив от напряжения мысли брови, она думала.

- Разве, привлекая его, вы тем самым не приготовили ему гибели? сказала она, поднимая на него твердый взгляд.

Он не смутился от этого взгляда, и огонь сверкнул в глубине его серых глаз.

- Мы все на гибель идем, Катя... Катерина Васильевна, - поправился он, - и идем с открытыми глазами.

Он, я, все... И в этом наша сила. В этом обаяние и величие нашего призвания, в этом залог нашего торжества, - продолжал он с растущим одушевлением.

Катя слушала. Чем-то горячим, родным повеяло на нее от этих слов. Она вспоминала о своих христианских мучениях.

- Я понимаю вас, - прошептала она, - и... не сержусь на вас. Да только разве от этого легче? Все-таки Вани у нас больше нет. Я думала, после того что вы нам сказали, что он воскрес для нас. А вместо того...

Она безнадежно опустила голову. На глазах ее блистали слезы.

- Полноте!

- сказал Владимир, подходя к ней ближе, - Зачем отчаиваться? Это я вас расстроил. Простите меня. Я говорил вообще, а не по отношению к брату.

Арест не значит еще гибель. Я знаю отлично прошлое вашего брата. За ним ничего нет, решительно ничего нет, что грозило бы ему больше чем Сибири. А из Сибири - ах, как это мне не пришло в голову сказать вам раньше!

- из Сибири люди бегут! Да, бегут!

- Он в волнении заходил по комнате.

- Послушайте, Катя, что я вам скажу, - заговорил он, останавливаясь перед нею.

- У меня есть друзья.

Я сам кое-что могу. Так вот, даю вам клятву, что я ни перед чем не остановлюсь, что отныне я сделаю целью своей жизни вернуть вам вашего брата. Верите вы мне?

- Верю, верю!

- повторяла Катя, вся сияя от внезапно проснувшейся в ней надежды.

- Какое это было бы счастье! О, как я вам безгранично благодарна!..

- Не благодарите, нет!

- говорил Владимир дрожащим от волнения голосом.

- Вы не знаете, чем вы для меня стали! Чего бы я ни сделал, чтобы осушить одну вашу слезу, вызвать на ваших губах одну улыбку!

Служить вам... Боже! это такое счастье...

Он вдруг остановился. Признание это вырвалось у него само собой, и он опомнился, когда было уже поздно.

Несколько минут оба молчали. Владимир дрожащей рукой провел себе по лбу.

- Простите, - заговорил он, - что я сказал это вам, невесте другого. Ну, да все равно. Мы, вероятно, никогда больше не увидимся. Но знайте, что чувства более чистого и высокого вы не внушили ни одному человеку. А теперь - прощайте.

Он крепко стиснул протянутую ему руку и вышел.

Катя осталась одна. Она была удивлена, поражена.

Ничего подобного она не ожидала. Сердце ее молчало.

Но на душе ее было светло, как в праздник. Когда она поднималась наверх, ее поступь была легка, точно она шла не по земле, а плыла по воздуху, и лицо ее сияло, когда она входила в спальню матери. Есть что-то обаятельное, чарующее в внезапном откровении свежей, молодой души, и, не отвечая на признание, сердце Кати волновалось и ликовало.

Больная крепко спала. Единственная свеча тускло освещала комнату. У изголовья сидела няня с чулком в руках. Она устремила на девушку пылливый старческий взгляд, в котором был и вопрос и тревога.

Катя, ничего не говоря, подошла и поцеловала ее прямо в старые губы.

- Ох ты, пташечка моя родная,- сказала старуха, глядя морщинистой рукой ее русую головку.
- То-то, вижу я, пташечка моя больно часто повадилась во флигелек летать. Ну что ж? На все божья воля. Суженого, видно, конем не объедешь.

- Нет, няня,- сказала Катя, кладя ей голову на плечо.

- Нет, не то. Он не суженый мне, няня.

Грохот остановившегося у подъезда экипажа заставил ее вскочить и быстро подойти к окошку. Что бы это могло быть? У крыльца стояли две телеги. В них сидели люди с фонарями, которые быстро соскакивали на землю и оцепляли дом. Боже! Это были жандармы!

- Няня!

- вскричала Катя, бледная как смерть, бросаясь к старухе.

- По его душу пришли. Беги к нему, спрячь, спаси! Скорей, скорей, милая! Я задержу их в доме.

Старуха, забыв года, стремглав сбежала вниз. Катя едва поспевала за ней.

В прихожей раздался резкий, повелительный звонок.

Катя бросилась к двери и торопливо отперла, чтоб прекратить шум.

Вошел молодой жандармский офицер в сопровождении прокурора в штатском платье.

- Тише. В доме больная,- встретила их Катя.

- Извините, сударыня, что беспокоили,- сказал прокурор, вежливо раскланиваясь.

- Долг службы.

Он был знаком с Крутиковым, и к тому же у него были специальные инструкции от губернатора, который приказал по возможности щадить будущих родственников своего любимца.

- Что вам угодно?

- спросила Катя.

- По полученным нами сведениям, в вашем доме скрывается бежавший государственный преступник.

- Вы говорите о нашем госте Владимире Петровиче Волгине? Мне ничего не известно о его преступности, - сказала Катя.

- Не сомневаюсь в том, сударыня, - поспешил сказать прокурор, хотя в душе он не сомневался в совершенно противном.

- Мы решительно ничего не имеем против вашего семейства. Но нам приказано арестовать господина, именующего себя Волгиным.

- Но его нет в этом доме, - твердо сказала Катя

- Нет? Куда же он мог деваться?

- спросил прокурор с усмешкой.

- Он внезапно ушел, - сказала Катя.

- Когда же, позвольте полюбопытствовать?

- Вчера после обеда, - отвечала Катя, вспомнив попытку Владимира бежать из их дома.

"Ах, зачем мы тогда его встретили!" - мелькнуло у нее в голове позднее раскаяние.

- Так-таки и ушел, не сказавшись?

- иронически спрашивал прокурор.

- Так-таки не сказавшись, - подтвердила Катя.

- Странные повелись теперь гости у людей!

- не мог удержаться прокурор от язвительного замечания.

- Мне очень жаль, - прибавил он, принимая снова серьезный тон, - но я должен произвести обыск.

- Есть у вас предписание?

- спросила Катя.

- Это совершенно излишнее, - строго сказал прокурор. Он хотел прибавить в виде предупреждения что-то еще более строгое и внушительное, но раздумал.
- Впрочем, - проговорил он, обращаясь к своему товарищу, - Иван Иванович, не захватили ли вы с собой бумагу?

Жандармский офицер вынул из бокового кармана сложенный вчетверо большой лист и подал его Кате.

Та развернула и принялась читать, или, вернее, держала его перед глазами, потому что от волнения она не могла разобрать ни одного слова.

Прокурору наскучило ждать.

- Извините, - заметил он язвительно, - почерк у нашего писаря, по-видимому, не очень разборчив, а нам некогда ждать. Так уж вы позвольте мне покамест пройтись по комнатам.

Катя повела его по дому.

Во флигеле тем временем происходила сцена иного рода.

Заслышав подъехавший экипаж, Владимир тоже бросился к окну и при свете фонарей узнал жандармов.

- Донес-таки, мерзавец!
- выругался он.

Первой его мыслью было броситься в сад, а оттуда перескочить в лес и скрыться. Но в окно он увидел, как двое жандармов бегом обходили уже дом. Отступление было отрезано. Он был окружен, как затравленный зверь.

"Пробьюсь", - решил он и бросился к двери, чтобы схватить на дворе топор, лом, дубину - какое попадется орудие. Но на пороге он столкнулся и чуть не сбил с ног няню, которая, запыхавшись, бежала к нему.

- Батюшка, барышня велела тебе кланяться и приказали сказать, что по твою, барин, душу пришли.

- Знаю, знаю. Ну?

- Велели мне барышня спрятать куда ни есть твою милость. Так пойдем, коли изволишь, я тебя запрю в кладовую.

- Спасибо, бабушка, - сказал Владимир, - да только полезут они искать меня и в кладовую.

- Ну, так в чулан.

- Полезут и в чулан.

- Ну, так на сеновал. В сено.

- Полезет и туда и все сено перетрусят и палашами перetyкают.

Старуха безнадежно развела руками.

- Господи, владыко! Этакие изверги! Палашами.

Как есть тебя откроют. Куда же велишь мне тебя прятать, батюшка? Ты не наперсток: в карман тебя не положишь.

- Да почитай что некуда, бабушка, - сказал Владимир.

- А впрочем, что у вас тут наверху?

- спросил он, указывая рукою.

На дощатом потолке в углу над постелью виднелась поперечная щель трапа с маленьким ввинченным кольцом, служившим ручкою.

- Там, батюшка, чердак, бочонки с сушеными яблоками держим.

- Ну, так я спрячусь туда.

Он поставил на кушетку столик, на столик он поставил стул и, отворив трап, быстро скользнул в его черную пасть.

Наклонив голову вниз, он сказал старухе, чтоб она поставила стул и стол на прежнее место и привела в порядок постель, чтоб не видно было, что на ней чтонибудь стояло. Потом он обвел глазами всю комнату и увидел в углу свою шляпу.

- Дай-ко ее сюда, бабушка, - сказал он.

- Хорошо, что заметил.

Старуха надела шляпу на ручку половой щетки и подала ему ее наверх.

Владимир юркнул наверх и осторожно опустил за собою трап. Он все предусмотрел, но забыл главное: он не отвинтил колечка, служившего трапу ручкою, что сделало бы трап неузнаваемым.

Няня в точности исполнила наставления молодого барина. Она отнесла стул в переднюю комнату и поставила на место стол. Когда она подошла, чтобы поправить постель, ее осенила счастливая мысль.

- Сем-ко я лягу сама, точно я живу здесь. Авось они, слодей, не пойдут искать нашего молодого сокола у древней старухи.

Она проворно разулась, сняла верхнее платье, потушила свечку, легла под одеяло и стала ждать непрошенных гостей.

Ей пришлось ждать довольно долго. Прокурор внимательно осматривал все углы и закоулки в доме. Катя пыталась не допустить его в спальню матери, но он настоял, пригрозив, что вынужден будет войти насильно.

Он обещал, однако, не беспокоить больную и вошел в комнату один, оставив жандарма за дверью.

- Катя, это ты?
- спросила сквозь сон мать.

- Да, мама это я. Спите!
- сказала девушка.

- Что это я как будто звонок внизу слышала?
- продолжала больная.

- Ничего. Это лекарство принесли. Спите, мама!
- уговаривала ее Катя.

Прокурор между тем осматривал комнату. В ней не было ничего подозрительного. Он заглянул в шкаф, но ничего, кроме женских юбок и платья, там не увидел.

Он внимательно осмотрел кровать, на которой под тонким ватным одеялом лежала больная. Нагнувшись, он отдернул кисею и посмотрел под кровать, но и там он не увидел преступника. В углу стоял большой старинный сундук. Знаком он приказал его открыть. Но и там преступника не оказалось.

Он молча вышел и спустился вниз. Катя шла за ним.

- Теперь пойдите во флигель, - сказал он жандармскому офицеру. Прикажете принести фонарь.

Явился унтер-офицер с фонарем, и они отправились втроем через темный двор.

Катя пошла за ними.

Она знала, что Владимир должен быть там, потому что ему негде было спрятаться: все было так внимательно обыскано. Она предвидела нечто ужасное. Но не идти не могла: оставаться и ждать было еще ужаснее.

Жандарм растолкал няню, которая притворялась спящей, а может быть, и взаправду заснула.

- Что такое, что нужно?
- бормотала она.

- Вставай, одевайся.

Старуха повиновалась.

Флигель был осмотрен. Преступника там не было.

Прокурор начинал терять терпение. Он обменялся несколькими словами со своим товарищем.

- Нужно допросить эту старую каргу, - сказал он.

- Слушай, - обратился он к старухе.
- Смотри мне прямо в глаза.

- Чего смотреть, и так вижу!

- огрызнулась няня.

- Не разговаривать!

- крикнул прокурор.

-- Отвечай: где тот молодой барин, что к вам сюда пришел в прошлый понедельник?

- Мне почему знать барские дела? Мое дело подначальное. Пришел и ушел, стало быть, коли нету.

- Слушай, хоть ты и старуха...

- грозно начал прокурор.

Жандармский офицер тронул его в эту дшнуту за плечо и указал глазами на кольцо, висевшее на потолке.

Катя посмотрела туда же, и холодный пот выступил у нее на лбу.

"Он там, наверное", - подумала она.

- Ах, да, это правда!

- весело сказал прокурор.

Затем, обращаясь к Кате, он прибавил: - Позвольте, пожалуйста, лестницу. Там я видел у вас в чулане.

- Сделайте одолжение, - отвечала Катя, ни жива ни мертва.

Офицер с солдатом вышли и вернулись через минуту с маленькой комнатной лестницей и приставили ее к стене.

Жандармский офицер, которому принадлежала честь открытия трапа, полез по ней с фонарем в руке.

Лестница была несколько коротка, а он был мал ростом. Желая подняться выше, он ступил ногою на верхнюю полку этажерки, которая висела на стене тут же слева. Но гвозди не выдержали, и этажерка, книги, жандарм и лестница - все полетело на пол.

Жандарм чуть не упал на спину прокурору, который нагнулся, чтобы поднять с земли сложенный вдвое листок почтовой бумаги, вывалившийся из одной из книг при падении.

То было прощальное письмо, которое Владимир оставил Кате накануне, собираясь уходить, и потом забыл уничтожить.

Прокурор прочел его и от досады помянул черта.

Добыча ускользнула от него перед самым носом.

- Что такое?

- спросил его достойный товарищ.

- А вот читайте.

Жандарм взял записку.

Сомневаться было невозможно. Внизу стояло число и подпись: Владимир Волгин. На заголовке: Екатерине Васильевне Прозоровой. Происхождение записки было ясно, и оно подтвердило вполне показания, случайно вырвавшиеся у Кати.

- Вам, вероятно, приятно будет, - ехидничал прокурор, обращаясь к Кате, - узнать о признательных чувствах к вам вашего протеже.

Он подал ей записку.

Катя прочла, ничего не понимая. Одно она чувствовала, что произошел какой-то кризис и что дела Владимира каким-то чудом поправляются.

- Вы мне позвольте этот документик обратно, - сказал прокурор.

- Мы должны приобщить его к делу. Я думаю, - обратился он к жандарму, продолжать долее обыск и допрашивать остальную прислугу - бесполезно.

Тот с ним согласился.

Владимир был спасен.

Тут же был составлен краткий протокол, что по показаниям хозяйки дома и няньки, крестьянки такой-то, и по найденной после записке оказалось, что неизвестного звания человек, проживавший под именем Владимира Волгина, скрылся неизвестно куда накануне обыска.

Катя подписала, не читая. Она все еще не могла прийти в себя.

Через несколько минут телеги застучали снова у подъезда. Жандармы уехали.

VIII

Когда звук их колес замолк вдали, няня приподняла ручкой метлы крышку трапа и крикнула Владимиру:

- Выходи, барин, уехали!

В отверстии показалось улыбающееся лицо молодого человека. Сверху ему все было слышно. Повиснув на кольцах, он соскочил вниз.

- Ну, счастлив твой бог, барин!

- сказала няня.

- Ты, видно, в сорочке родился.

- В сорочке, бабушка!

- согласился Владимир, продолжая улыбаться.

- А где же твоя барышня?

Кати не было в комнате.

- К себе ушла, - отвечала няня.
- Велела тебе дожидаться.

Через четверть часа вошла Катя. Она была одета по-дорожному, в шляпке, синем суконном платье и коротенькой безрукавке. В руках у нее было легкое мужское пальто, мужская дорожная фуражка и маленький ручной чемодан.

- Вам нельзя здесь оставаться ни минуты более, - сказала она.
- Но я думаю, вам лучше немного переменить вид, чтоб вас нельзя было узнать по костюму.

Я принесла вам братнино пальто и фуражку. Вы с ним почти одного роста. Да вот возьмите чемоданчик: это придаст вам более дорожный вид.

- Это хорошо, спасибо. Я уйду сию минуту.
- Нет, вам нельзя идти пешком. Из города пароход уходит рано утром, а теперь уж час ночи.
- Она посмотрела на маленькие серебряные часы, висевшие у нее на поясе.
- Вы туда не доберетесь вовремя. Идите за мной.

- Прощай, няня!
- обратилась она к старухе.
- Присмотри за мамой. Если спросят меня, скажи, что я поехала за доктором.

- Прощай, моя пташечка. Уж будь покойна. Догляжу. Прощай и ты, барин.

- Прощай, бабушка, спасибо тебе!
- сказал Владимир.

Они вышли. Катя повела Владимира к сторожке, куда запиралась на ночь лодка. Они спустили ее на воду. Катя взяла пару весел.

- Нам нужно гнать что есть силы, чтобы попасть вовремя, - сказала она.

Они направили лодку на середину реки и пустили ее стрелою вниз по течению. Ночь была ясная, безлунная. Тысячи звезд смотрели на них из темно-синей высоты. Далекие берега с деревьями, церквами, рощами медленно уплывали от них, погружаясь в туманную мглу. Мерно, в такт ударяя веслами, они неслись.

Когда они прибыли к городку, где приставал пароход, было пять часов. Пароход отходил в шесть без четверти.

Катя постучалась к знакомому рыбаку и сдала ему лодку, которую он должен был доставить обратно. Они пошли по пустынным улицам к пристани, почти не разговаривая дорогою. Катя была утомлена и разбита долгой греблей и волнениями прошлой ночи. Владимир был сдержан и молчалив. На душе у него залегла тяжесть, которую даже счастье снова возвращенной свободы не могло совершенно облегчить. Он не сомневался ни минуты, что Крутиков на него донес. И Катя будет его женою!

Катя первая прервала молчание.

Послушайте, - сказала она, - когда вы приедете в Петербург не можете ли вы как-нибудь дать мне знать что вы прибыли благополучно?

- Хорошоблагодарю вас, - сказал Владимир.

- Только едва ли это необходимо. Если меня сторожат и арестуют на пристани, вы это сами увидите. А если нет то можете считать меня в безопасности. Я доеду на пароходе до Нижнего, а оттуда ничего не стоит добраться до Петербурга.

- Нетвсе-таки дайте знать, - настаивала Катя.

- Хорошо, - сказал Владимир.

- Писать мне к вам, конечно невозможно. Но мы сделаем вот что. Скажите сколько вам лет?

- Двадцать два, - ответила Катя, несколько удивленная таким приступом.

- Нутак вот. двадцать второго - число ваших чет - я напечатаю в вашей газете какое-нибудь дутое объявление, скажем, об уроках испанского и португальского языка, и дам дутой адрес, где опять же будет двадцать два, число ваших лет. Ну вы и будете уж знать что я в Петербурге.

Катя подивилась легкости и простоте его плана и сказала, что будет ждать двадцать второго.

- Мне тоже нужно о чем-то вас попросить, Катерина Васильевна, - сказал Владимир после некоторого раздумья.

- Ну что, скажите.

- Помните наш вчерашний разговор насчет вашего брата?

- Еще бы! Конечно, помню, - сказала Катя.

- Можете быть уверены, что и я его не забуду. Но только дайте мне слово, что вы ни одной живой душе не скажете о моем намерении. Вы понимаете, что это - не моя прихоть: все в этих делах зависит от сохранения тайны. И я не о себе только хлопочу.

- Извольте, даю, - сказала Катя.

- Ни одной живой душе, кроме, конечно, мамы.

- Нет, и ей, я хочу, чтобы вы ничего не говорили.

- Как? Не сказать маме?

- удивилась Катя.

- Какая может быть опасность от того, что мама будет знать? А это дало бы луч надежды.

- Так, - согласился Владимир.

- Но она может сказать об этом, да и наверное скажет кому-нибудь еще...

Владимир не хотел договаривать до конца. Ему было слишком тяжело обличать перед Катей ее же жениха. Но чуткое ухо девушки тотчас уловило какую-то особую нотку в его голосе.

- Что вы этим хотите сказать? Кого вы имеете в виду?

- спросила она вспыхнув.

Владимир молчал.

- Чего вы молчите? Вы кого-то имеете в виду.

Так говорите же прямо. Таких вещей нельзя говорить без основания, слышите?

- настаивала Катя, волнуясь все более и более.

- Чего же мне говорить? Вы сами догадываетесь, - сказал Владимир, смотря в сторону.

- Павла Александровича, да?

- с негодованием вскричала Катя.

- И вам это не стыдно! Потому что он других с вами взглядов, что он чиновник, - вы готовы заподозрить его....

- Нет, не потому,- спокойно отвечал Владимир.

- Так почему же? Говорите. Я требую.

- Как вы думаете,- сказал Владимир, смотря ей в лицо, - кому мы обязаны вчерашним визитом? Кто мог знать?..

- Неправда, это неправда: этого не может быть!

Я вам запрещаю, слышите ли, запрещаю повторять эту клевету, проговорила Катя, задыхаясь от гнева.

- Я рад бы ошибиться,- сказал Владимир.

- Я был бы счастлив, если б я действительно ошибся. Но...

- Нет, нет! Говорят вам, нет!

- почти кричала Катя.

- Замолчите.

Владимир пожал плечами и замолчал. Они не обменялись ни словом до самой минуты расставания.

На пристани никого не было, кроме двух старух богомолки, ехавших к Макарию. Владимир благополучно взял билет и с чемоданом в руке ждал спуска мостков.

- Не поминайте лихом, Катерина Васильевна, - сказал он вполголоса, - и простите мне все мои прегрешения - невольные, - пояснил он, - потому что вольных у меня против вас быть не может.

Катя досадливо махнула рукой.

Она оставалась на пристани, как солдат на посту, пока пароход не ушел, потом она, не оглядываясь, пошла в городок, наняла, не торопясь, повозку и поехала домой, сама не своя. В душу ее было брошено страшное сомнение. Лишь только она осталась сама с собою, ее твердое убеждение в невинности ее жениха поколебалось. Улики были все против него. К тому же она припомнила некоторые его слова и выражения, которые до сих пор она пропускала мимо ушей. Он не решался при ней бранить Ваню, но он ненавидел всех таких, как он, и считал их чуть ли не личными врагами, с которыми нечего было шутить и церемониться. Вообще он с врагами не церемонился, она это знала. Подъезжая к дому, она

увидела конюха, проводившего знакомого ей верхового коня, который был весь в поту и мыле.

В прихожей ее встретил Крутиков, который только что прискакал из города.

- А, наконец-то!
- воскликнул он.
- Я уж думал, что никогда тебя больше не увижу.

Он говорил в шутовском тоне, но внезапное исчезновение Кати вместе с Владимиром - он узнал обо всем от няни - встревожило его вразовую.

Катя холодно пожала ему руку. Они вошли в столовую.

- Ты ездил провожать этого странствующего рыцаря на пароход?
- спросил Крутиков, улыбаясь.

Катю всю передернуло.

- Ну да, ездил провожать, - сказала она резко.
- Может быть, на пароход, может быть, на железную дорогу. Вам зачем это знать?

Она подняла на него такой ледяной, враждебный взгляд, что он оторопел.

Он готовился поговорить с ней строго и внушительно и выставить ей на вид неосторожность, чтоб не сказать более, явного укрывательства обличенного государственного преступника. Но слова замерли у него на губах.

- Катя, что с тобой? Что это за тон? Чего ты рассердилась?
- проговорил он нетвердым голосом.

- Уйдите от меня, оставьте меня! Я не могу вас видеть!
- повторяла Катя с лицом, на котором горела краска стыда и волнения.

- Да что же это значит? Объясни же наконец! Что я против тебя сделал? говорил Крутиков растерянно.

Он полюбил эту девушку, как люди, помятые жизнью и не совсем чистые, любят существа высокие и идеальные, которые, отдавши им себя, возвращают им лучшую часть их самих. Но Катя приняла волнение своего жениха за новую и последнюю улику.

- И вы еще спрашиваете? Вы хотите, чтоб я назвала вам ваш поступок по имени? Но мне стыдно, стыдно! Стыдно за вас и за себя...

Она не могла продолжать. Слезы горькой обиды душили ее. Закрыв лицо руками, она припала к столу, стараясь подавить рыдания.

Крутиков понял.

- Вы думаете, что я... донес на этого... Владимира, - сказал он.
- Но вы ошибаетесь...

Катя быстро подняла на него глаза.

- Как?

- проговорила она, не смея еще верить.

- Я только сегодня узнал об обыске в вашем доме, - продолжал Крутиков.

- Местопребывание вашего гостя было открыто полицией случайно. Машинист товарного поезда видел человека, лежащего у самой линии, который бросился бежать, когда поезд проезжал мимо. Об этом прознала полиция и явилась на место производить следствие. Оказалось, что двое пастухов видели прохожего, искавшего подводу. В лесу, примыкающем к вашему дому, нашли его сумку. Этого было достаточно. Ваша семья на примете из-за брата... Все это я узнал сегодня утром. Губернатор нарочно приказал скрыть все это от меня, щадя мои чувства. Но он сказал мне, что им сделано распоряжение, чтобы при обыске полиция вела себя как можно деликатнее и чтоб ваше семейство было устранено от всякой прикосновенности... Надеюсь, его инструкции были соблюдены?

Катя ничего не отвечала на последний вопрос. Она была уничтожена. Крутиков торжествовал. Он мог бы воспользоваться своей победой вполне и начать упрекать Катю в том, что она могла заподозрить его в предательстве. Но с нею он был честен. Он вспомнил с внутренним трепетом, как он был к этому близок. Он подошел к ней. Его тяжелое, внушительное лицо оживилось волнением искреннего чувства.

- Катя, - сказал он, - перестань волноваться. Не смотри так... Будем, как прежде. Я знаю, что я тебя не стою. Многое прошел я в жизни, и не одно пятно залегло мне на душу. Дай же мне руку. Люби меня. С тобой я буду лучшим, буду хорошим человеком...

- Простите меня, прости меня. Я виновата перед тобою, - сказала Катя, подавая ему руку.

Он поднес ее к своим губам. Примирение произошло полное.

IX

Крутиков имел в виду венчаться только на рождество. К этому времени должны были съехаться в С. его родные. Губернатор обещался быть посаженным отцом.

Свадьба предстояла пышная, о какой заговорили бы на всю губернию.

Но после короткой недомолвки, вызванной появлением Владимира, Катя вдруг начала торопить со свадьбой.

Крутиков был очень польщен.

- Ну, повенчаемся в октябре. Я потороплю своих.

- Нет, слишком долго, - сказала Катя.

- Так когда же?

- спросил он, улыбаясь.

- Ведь это через два месяца.

- Пусть будет через две недели, - отрезала Катя.

Крутиков запротестовал. В такой короткий срок не то что съехаться, даже оповестить никого порядком не успеешь.

- Да я и не хочу никого оповещать, - сказала Катя.
- Зачем?

Даже в городе венчаться она не захотела, а непременно в деревне, в соседней сельской церкви, совсем по-домашнему. Чтоб только свои были.

- Но ведь это будет, точно мы украдкой венчаемся.
- Кому какое дело?

Крутикову это все не нравилось, но он должен был уступить. Катя уперлась на своем. Она сама не могла отдать себе отчета, почему ей так хотелось поторопить свадьбу. Она не вспылала внезапной страстью к Крутикову, ей даже как будто скучновато с ним стало. Но ей невыносимо было тянуть и ждать. Хотелось поскорей покончить. Ее волновали какие-то вопросы и сомнения, и она думала, что всему этому будет конец, лишь только дело будет сделано и они повенчаются.

И она торопила с приготовлениями, раздражалась зло, серьезно, когда являлись какие-нибудь препятствия.

- Что это ты, Катя, так... точно тебе либо замуж, либо в воду, говорила ей мать.
- Сколько знакомы с Павлом Александровичем - и ничего, а тут вдруг...
- Ах, мама, и теперь все то же, - с досадой сказала Катя.
- С чего вы взяли ?
- Как с чего? Разве я не вижу?
- Не то это, мама, совсем не то, - сказала Катя и вздохнула.

Она почувствовала яснее, чем когда-либо в жизни, как могла бы вся отдаться чувству, которое было бы именно "то"...

Крутиков, ввиду скорой свадьбы, взял отпуск и почти все время проводил у них в доме, наезжая лишь в город, чтоб наведаться к подрядчикам и на свою будущую женатую квартиру, которую рабочие торопились убирать.

Он поселился в том самом флигельке, где жил Владимир. Катя заходила к нему по вечерам, но почти всегда брала с собой мать. Вдвоем они как-то не находили предметов для разговора, а при матери всегда завязывался оживленный разговор о будущем устройстве их жизни, мебели, обоях. Крутиков спрашивал мнения дам, часто спорил со старухой, и тогда оба обращались к Кате за решением. Катя всегда брала сторону жениха, хотя ей, в сущности, было все равно. Иногда Крутиков заводил возвышенные разговоры, высказывал свои взгляды на народ и на необходимость вести его твердой и попечительной рукой к его собственному благу. Но от этих речей Катю коробило. Она вспоминала другие речи, дышавшие любовью и преданностью.

"Забыть себя. Не иметь другой думы, кроме счастья

этого самого народа. Душу за него положить...", и нее веяло холодом от речей жениха. Такие разговоры обыкновенно замирали в тяжелом молчании, которое обе стороны боялись нарушить, точно это был неведомый лес, куда нельзя было ступить из опасности наткнуться на какого-нибудь зверя.

Ее поражало это отсутствие внутренней связи между нею и женихом, чего она прежде не замечала.

Она думала о Владимире, с которым она могла разговаривать без конца и с которым даже молчать было легко.

"Неужели так всегда будет?" - с ужасом спрашивала она себя, оставшись наедине. И тотчас отвечала, что этого не может быть: это только пока. Когда они поженятся, у них будет все общее.

И она торопила с приготовлениями, и волновалась, и сердилась на мать, на няню, на всех, если что-нибудь не делалось так скоро, как бы ей хотелось.

Няня не делала ей никаких упреков и замечаний.

Она была умнее барыни и знала свою барышню лучше.

Она только смотрела на нее умным старческим взглядом и, оставшись одна, вздыхала и покачивала седой головой.

Раз, - это было в среду, дней десять спустя после отъезда Владимира, она была у Кати в спальне и расчесывала ей русые косы перед сном. Катя была грустна и задумчива: завтра должна была прийти газета от того числа, где Владимир, если только он благополучно добрался до Петербурга, обещал напечатать объявление.

Жив ли он? Увидит ли она завтра это объявление? Это была бы такая для нее радость, что она не верила ее возможности.

- Что это ты, касатка, закручинилась?

- сказала няня.

- Али о нем вспомнила?

- О нем, - засмеялась Катя.

- А ты почему знаешь ?

Они понимали друг друга, и им не нужно было называть, кто этот "он".

- Да уж мне ли не знать? Недаром седьмой десяток доживаю, - сказала няня.

Она принялась расчесывать большим гребнем густые, крепкие волосы своей барышни. Несколько времени обе молчали.

- Что ж, - продолжала старуха в раздумье, с выражением старческой покорности судьбе на морщинистом лице.

- Стерпится - слюбится. Он человек хороший и тебя крепко любит. Да и как ему не любить тебя, такую умницу и красавицу...

"Он" был уже теперь другой, и Катя запротестовала.

- Что это ты, няня, выдумала, - сказала она со смехом.
- Никого мне, кроме Павла Александровича, не нужно.

- Ну, и слава богу, дитяtko, - сказала няня и, перекрестив ее перед сном, поплелась в свою каморку.

Почта не ходила к Прозоровскому домику. Всю свою небольшую корреспонденцию семья получала на ближайшую железнодорожную станцию, куда посылали верхового раза два в неделю или как придется.

Четверг был почтовый день в домике, но на станцию ездили только после обеда. Катя решила ехать сама тотчас после завтрака и велела закладывать себе одноколку. Но едва она успела одеться, как увидела в окошко подъезжавшего Крутикова. Он ночевал в городе и явился спозаранку.

"И чего бы ему не приехать после обеда!
- с досадой подумала Катя. Только помешал".

Она сошла вниз и поздоровалась с женихом довольно сухо.

- Я захватил на станции вашу почту, - сказал Крутиков.
- Ничего, впрочем, не оказалось. Только вот газеты.

Он подал ей пакет, который Катя выхватила с жадностью у него из рук и разорвала бандероль. Она нашла номер и в неопisanном волнении раскрыла лист.

На первой странице на видном месте стояло объявление.

Она вскрикнула от радости, засмеялась и захлопала в ладоши.

- Что с тобой? Наследство получила? Фрейлиной тебя при дворе сделали? спрашивал Крутиков, с улыбкой глядя на свою невесту.

- Нет, так, ничего. Я что-то загадала, - сыпала Катя, не помня от радости, что говорит.
- Я загадала, что если будет сегодня в газете объявление с моим годом так мне будет счастье в жизни, а если нет - нет.

И вдруг, вот смотри - мой год, да целых три раза.

В объявлении об уроках с испанского дан был адрес: Васильевский остров, 22-я линия, дом 22, квартира 22. Катя, заливая смехом, показывала это объявление жениху, маме, няне. Ей нужно было хоть как-нибудь поделиться своей радостью.

Но вдруг она побледнела и, схватившись за грудь, опустилась на стул. Сердце ее внезапно вздрогнуло, застыло. С ней сделался припадок. Отец ее умер от разрыва сердца, и у нее остался наследственный порок в легкой форме. Доктор приказывал ей беречься, во ей было не до того в последние две недели. Ее уложили на кушетку, принесли воды. Мать и Крутиков перепугались. Но припадок скоро прошел. Катя встала как ни в чем не бывало и была целый день весела, как птичка, и особенно ласкова с женихом. Крутиков ушел к себе очарованный: до свадьбы оставалось всего четыре дня.

Катя провела это время как в лихорадке. Несмотря на все ее желание повенчаться скромно, без огласки, весть об этом проникла и в город, и в окрестные усадьбы. Посыпались письма от знакомых, визиты от соседней. Нужно было принимать гостей, отписываться и вместе готовить приданое: мать была бы в совершенном отчаянии, если б дочка вышла замуж, даже не успев пометить белья. У Кати не было ни минуты свободной, чтобы сосредоточиться. Да она и не искала этого.

Х

В роковой день она встала с тяжелой головой, и первой ее мыслью было: "Сегодня все кончится". Ей было и страшно, и тоскливо, и хотелось над чем-то заплакать. Но она знала, что это так всегда бывает с невестами, и бодрилась. Только сердце ее то замирало, то ни с того ни с сего начинало стучать, как молоток, и ныло предчувствием чего-то недоброго.

День был пасмурный. С утра лил частый, мелкий дождик, который приводил старуху Прозорову и няню в большое уныние: это была скверная примета. Кто венчается в дождь - тому всю жизнь слезы. Прозорова даже всплакнула. В шесть часов подали карету. Под частый стук дождя о витрины они доехали до церкви.

На паперти стояло несколько нищих, прослышавших как-то о предстоящем торжестве. Катя оделила их всех.

- Молитесь за мою душу, - прошептала она, точно готовилась лечь в могилу.

Они вошли вовнутрь, Бедная деревенская церковь была чуть освещена четырьмя иконостасными свечами и полудюжиной паникадил. От черного зияющего купола веяло холодом, сыростью. В церкви было пусто и тихо.

"Точно в могиле", - мелькнуло в голове у Кати.

Жених уже ждал. Оба шафера были тут же. Дьячок вынес перед царские врата аналой и положил на него требник, поставив рядом восковую свечу в высоком подсвечнике. Перед аналоем разложили шелковый плат. Вышел священник. Молодые взяли за руки и заняли свое место на шелковом платке.

Няня, стоявшая сзади в небольшой кучке зрителей, нагнулась к уху своей госпожи.

- Первая, она первая ступила на плат, наша голубушка!

- радостно шептала она.

Это была примета: кто из молодых первым ступит на плат, тому, значит, быть головой в доме.

Молодые стояли, держась за руки. Катя не видела своего жениха: она слушала, что читалось с амвона.

Священник попался молодой, не обломавший язык на обычной требе. Каждое слово он читал внятно и выразительно, и слова были все такие высокие, прекрасные.

Они объясняли смысл и значение таинства. Все оставит человек: отца, и мать, и семью - для одного человека, любимого, и будет с ним одно, телом и душой. "Тайна сия велика есть".

Да, да, так... Это именно "то", о чем она мечтала.

Она это понимает, она может. "Не иметь ничего своего, делить все, быть как одна душа, и вместе служить другим. Отречься от себя. Не иметь другой думы... Душу свою положить..." Откуда она это говорит?

- спросила она себя.

- Поп этого, кажется, не читал? Да это слова Владимира!.. Его образ вдруг встал перед ней ярко, как живой, с укором в глазах... Сердце ее застучало, как у пойманной птички, потом вдруг остановилось, и она вся похолодела. В груди ее что-то кольнуло. Она думала, что вот-вот грохнется на землю.

Ее внезапно бледность заметили. В церкви произошло волнение. Шафер поддержал ее за плечо.

Но она оправилась на этот раз.

Из ризницы принесли на блюде венцы. Священник взял их, перекрестил и возложил их на голову сперва жениха, потом невесты.

Певчие запели торжественный гимн.

Потом священник опять стал читать, и Катя заслушалась. Слова показались еще лучше, еще трогательнее прежних. Они должны любить друг друга, как Христос возлюбил церковь. Как это хорошо сказано! Отчего она этих слов не слышала раньше, а ей все говорили о том, чтоб хорошо пристроиться, составить хорошую партию, иметь доходы... Да, именно: как Христос возлюбил церковь. Любить всей душой, заботиться, умереть за другого... Она это может. Она понимает... Боже мой, да ведь она о Владимире думает, она его так любит, а не этого, чужого, постороннего человека, который стоит с ней рядом! Она обманывает и бога и людей... Господи, что же это такое?

Запели певчие, потом священник опять стал что-то читать. Но Катя уже не слушала: страшное открытие, как зарево внезапного пожара, осветило все, что было для нее темно в ее собственной душе. Мысли, как вырвавшиеся на волю кони, неслись, сталкиваясь и перегоняя друг друга, в ее цепенеющем от ужаса мозгу. Она давно любит Владимира. Она торопилась с венчанием, чтобы убежать от своего чувства, убить его одним ударом.

Но оно гналось за ней и нагнало ее... здесь... в самой церкви. Боже, что с ней будет? Она любит Владимира.

Не уйти ей от этого чувства, как не уйти от самой себя.

Она обманула себя и других, и всю жизнь должна прожить обманщицей-. И зачем все это случилось? Зачем она с ним встретилась? Ей было так покойно...

Сердце неистово стучало у нее в груди. О, как бы она хотела, чтоб оно разорвалось и смерть пришла ей на выручку в эту минуту! Но нервы держались крепко.

Ей казалось в эту минуту, что ее осудили и привели за ее великую вину на казнь. И как приговоренный не спускает глаз с лезвия топора, который отрубит ему голову, так и она следила с жгучим, леденящим любопытством за священником, который каждым своим движением крепче и крепче заклепывал ее вечную цепь.

Приближалась решительная минута, после которой, по каноническому закону, брак становится нерасторжимым.

В тупом отчаянии Катя снова начала слушать. Что это? Опрашивание? А может быть, ей еще есть спасение! Она шепнет три слова жениху, чтоб тот от нее отказался. Она обернулась к нему лицом в первый раз за всю службу. Но губы ее шевелились, не издавая звука.

- Раб божий Павел, - ясно проговорил между тем священник, - желаешь ли взять себе в жены сию рабу Божию Екатерину?

- Да, - послышался ответ жениха, который, как удар молота, отдался в ушах Кати.

"Боже, боже! Что со мной будет?" - промелькнуло в ее уме.

- Раба Божия Екатерина, - повторил священник, переводя взгляд на нее. Желаешь ли взять себе мужем сего раба Божия Павла?

Катя прошептала что-то длинное, чего никто не мог разобрать. Священник приписал ее несвязный ответ обыкновенной застенчивости. Он подождал с минуту и, не желая смущать ее еще больше повторением вопроса, составляющего обыкновенно чистую формальность, он взял венчалное кольцо и собирался надеть ей его на палец. Ужас возвратил ей силы.

- Нет, - раздалось под сводами церкви гулким шепотом, и столько было муки в этом звуке, что можно было подумать, что душа вырвалась из тела, пошевеливши в последний раз эти побледневшие губы. Катя упала без чувств.

Произошел невообразимый переполох. С Прозоровой сделалась истерика. Священник смотрел растерянно то на невесту, лежавшую на руках шафера и няни, то на жениха, который стоял бледный, убитый, не отдавая себе еще отчета, как все это случилось.

Катю унесли в карету. Брак не состоялся.

Через две недели она уехала в Петербург.

Прошло несколько лет. Протосковав целый год по Кате, Крутиков понемногу утешился и кончил тем, что женился на племяннице губернатора, что окончательно укрепило хорошее мнение о нем его начальника. Он быстро пошел в гору, потолстел и теперь метит в вице-губернаторы. Вспоминая в минуты своего чиновничьего торжества об увлечениях молодости, он радуется, что не связал своей судьбы с взбалмошной девчонкой, которая и его, пожалуй, не довела бы до добра.

Домик на Волге все стоит на том же месте. Но в нем никто уже не живет. Окна заколочены досками, потому что новый хозяин, мещанин-огородник, находил невыгодным отоплять такую хоромину и ютился с женой и сыном в флигельке. Няня умерла, и старуха Прозорова, не выдержав одиночества, распродала все и переехала жить к незамужней сестре в одну из подмосковных губерний.

Мирное гнездо было разрушено. Но в рядах борцов за мир и счастье миллионов других гнезд прибавилось одним человеком, а вскоре и двумя. В одном из подпольных изданий мелким шрифтом появилось известие о том, что один из бывших каторжан, Иван Прозоров, благополучно бежал из Сибири.

Владимир исполнил жене обещание, данное любимой девушке.

1889